

Королевский Ассасин

Судьба свела
их вместе.
Любовь
разлучила.

МЕЛИССА ДЕ ЛА КРУЗ

Мелисса де ла Круз

Королевский Ассасин

Серия «Секрет королевы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66334770

Королевский Ассасин: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-158304-0

Аннотация

BESTSELLER THE NEW YORK TIMES И INDIE BESTSELLER.

«Королевский ассасин» – первая часть романтического фэнтези об опасном наемном убийце, его загадочной ученице и дворцовых интригах. Для фанатов Сары Дж. Маас, Виктории Авеярд, Холли Блэк и Лоры Себастьян.

Три века назад к власти в Реновии пришел король, прозванный Тираном. Он создал могучее войско и повелел своим воинам собрать все знания о запретной магии. Полученные знания были названы «Деянские свитки». Способные подарить безграничную власть, они несли смертельную опасность для мира.

Девятнадцатилетний Кэледон Холт – самый опытный ассасин на службе у королевы. Связанный клятвой крови, он должен отыскать свитки, бесследно исчезнувшие после свержения Тирана.

Восемнадцатилетняя девушка по имени Тень с детства упорно тренировалась, чтобы стать наемной убийцей.

Они встретились, чтобы распутать изощренную паутину лжи и секретов и спасти свое королевство.

«Захватывающий сюжет, который цепляет читателя с первой строчки, закрученные сюжетные повороты, магические элементы и юмористические вставки». – School Library Journal

«Фирменный стиль прозы Мелиссы де ла Круз: детализированный мир, динамичное повествование и романтика. Все это есть и в этой книге, которая, несомненно, станет бестселлером». – Booklist

Об авторе

Мелисса де ла Круз – популярная американская писательница бестселлеров The New York Times и USA Today.

Содержание

Отрывок из свитка Омина, 1.2:	8
Пролог	13
Реновия	27
Глава 1	28
Глава 2	42
Глава 3	51
Глава 4	60
Глава 5	71
Глава 6	83
Глава 7	91
Глава 8	98
Глава 9	107
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Мелисса Де Ла Круз Королевский Ассасин

Майку и Мэтти, всегда

Melissa de la Cruz
THE QUEEN'S ASSASSIN

Copyright © 2020 by Melissa de la Cruz

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with G.P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Young Readers Group, a division of Penguin Random House LLC.

Jacket stock photography courtesy of Getty Images / Westend61 and Shutterstock

Cover design by Kristie Radwilowicz

© Е. Татищева, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО Издательство «Эксмо», 2021

Отрывок из свитка Омина, 1.2:

Давным-давно, когда все королевства Авантина были едины под крылом великой богини Деи и краем правила могучая династия Деллафиоре, там жил очень дурной человек по имени Фраз.

Хотя у него имелось собственное состояние, Фраз очень завидовал своему двоюродному брату, королю, происходившему по материнской линии из рода Деллафиоре и обладавшему намного большей магической силой. Эта зависть так разъярила сердце и душу Фраза, что он убил короля и завладел королевской короной.

Захватив власть, он стер всякое упоминание о Деллафиоре, дабы в будущем история Авантина начиналась с него, короля Фраза I.

Но вместо того, чтобы завоевать людские сердца, он прославился как Король Тиран, ибо был жесток, подозрителен и одержим желанием прибрать к рукам всю магию.

Посулив своим приверженцам великие богатства и власть, Король Тиран создал многочисленное и могучее войско и повелел его воинам собрать все до единого оккультные и священные тексты, которые они смогут найти, – от рецептов зелий до магических книг и томов, в коих содержались тайные знания о черной магии и демонах. Из них его наиболее доверенные приближенные составили единую гра-

моту, которая стала известна как Деянские свитки и сделалась единственным источником сведений о магии, ее истории и применении.

Никто в королевстве не имел доступа к этим свиткам, кроме тех, кто их составлял и кто именовал себя афразианцами в честь своего короля. Благодаря им король Фраз познал секреты самой темной магии во вселенной и правил и как король, и как колдун. А орден афразианцев, его магических воинов, получил во владение замок Баэр и мог использовать его как угодно. И афразианцы создали из него аббатство.

Обычным людям было запрещено обращаться к магии, и особенно это относилось к знахаркам и ворожеям, которых почитали великой угрозой власти короля и его людей.

Храбрые ведуньи сберегли столько магических знаний, сколько смогли, и передавали их тайно. Так была основана Гильдия Очага. Поначалу эта Гильдия была просто-напросто тайной организацией, занимающейся сохранением повседневной и бытовой магии, и только позднее она превратилась в общество шпионов и ассасинов.

Оставшиеся Деллафиоре затаились. Утверждали, что их род угас. Они были забыты, как и легенды о магах и демонах.

За трехсотлетнее правление Короля Тирана было множество восстаний против его власти, а после его смерти произошла смута, в результате которой Авантин распал-

ся на несколько королевств, борющихся друг с другом за власть: на западе образовалась Реновия, на севере – Монтрис, на юге – Аргония, а на востоке – Ставин.

Аббатство Баэр находилось на западе, и, таким образом, монахи-афразианцы сделались подданными Реновии. Но, хотя им полагалось подчиняться своему королю или королеве, могущество ордена умножилось настолько, что его предводители начали относиться пренебрежительно к своим монархам и действовать по своему усмотрению, к тому же многие из них принадлежали к высшей знати. Афразианцы считали, что никто им не указ и они могут собирать десятину и вводить налоги по своему произволу. Ходили слухи, что это из-за них Реновия непрестанно воюет со своими соседями, ибо они продают магию тем, кто больше платит, и разжигают вражду, одновременно делая вид, будто они хранят верность короне.

Монахи-афразианцы несколько веков держали в своих руках Деянские свитки, скупно делясь с другими премудростью, которая была ведома им одним, и вынуждая всех остальных обращаться к ним за лечением любых физических и душевных недугов. Они притворялись послушными подданными своих государей, но на деле манипулировали ими по своему хотению.

Так продолжалось, пока потомок Короля Тирана король Эзбан не объехал свои земли и не обнаружил, как жестоко его подданные страдают от высоких налогов и духовного

знета. И тогда он решил, что магия и знания должны принадлежать всем, и поклялся раз и навсегда положить конец террору афразианцев.

Король Эзбан не продолжил линию правления своих предков и, вопреки мнению своих советников, решил не выходить из мирного договора и не нападать на Монтрис в отместку за их выступление против его молодой жены-монтрисианки. Вместо этого он объявил войну афразианцам и обрушился на аббатство Баэр. После продолжительной битвы войско короля одержало верх, но цена этой победы была высока. Король Эзбан сражался самоотверженно и отважно и погиб, отдав свою жизнь за свой народ.

Но, несмотря на его жертву, Деянские свитки так и не были найдены – они пропали вместе с последними представителями ордена афразианцев.

С тех пор вдова Эзбана, королева Лилиана, занимается поисками этих свитков. Они суть единственное собрание знаний о Деянской магии, если не считать тех премудростей, которые передавались Гильдией Очага, а также от матерей к дочерям.

Знания Гильдии являли собою лишь малую часть тех магических знаний, которые содержались в Деянских свитках, и без них королева и королевство Реновия остаются уязвимыми для угроз как из-за пределов страны, так и в ее границах.

Но королева переживает только о стране. Она пойдет

на все, лишь бы отыскать свитки, ибо, только обретя их, она сможет защитить свою семью... и спасти свое королевство.

Пролог

Реновия

Период царствования короля Эзбана,

После битвы при Баэре

– Король умер! Да здравствует королева!

Первой это прокричала дряхлая старуха из деревни Нхаинне, стоящая, сгорбившись, в задних рядах толпы, опираясь левой рукой на потертую клюку. Подняв свободную руку, она показала скрюченным пальцем на дворец и закричала опять, на сей раз громче, хотя ее сиплый голос срывался:

– Король умер! Да здравствует королева!

Поначалу остальные боялись раньше времени говорить о смерти государя, поскольку при предыдущих монархах такие разговоры считались изменой, но старуха прожила слишком долго, чтобы бояться правды. Она подняла свою клюку, ударила ею об землю и возгласила опять так зычно, как только могла:

– Король умер! Да здравствует королева!

Следующим эти слова произнес маленький мальчик, затем их начали повторять другие люди, слова распространялись, набирали силу, словно ветер, перерастающий в ураган. Поначалу они звучали чуть слышно, затем их произнесли многие разом, и так продолжалось, пока все вокруг не нача-

ли кричать:

– Король умер! Да здравствует королева!

Это переросло в требование. Жители Реновии желали получить ответы.

Накануне вечером крестьяне высыпали навстречу войску Реновии – оставшимся его воинам, когда те брели по проселочной дороге, возвращаясь домой, оборванные и босые. Их плечи были сгорблены, несмотря на одержанную ими победу, многие помогали шагать своим товарищам, еще более потрепанным, чем они. Воины сообщили, что их любимый король, сражавшийся в битве бок о бок с ними против монахов-афразианцев, был убит.

* * *

Поэтому вскоре после рассвета реновианцы начали собираться на границе Виоллы Рузы, их становилось все больше и больше – все хотели услышать объявление. Солнце уже стояло высоко, но к ним так никто и не вышел. Несомненно, королевский дворец сделает официальное объявление, как происходило всегда, когда монарх умирал, или хотя бы наметит, что слухи о его смерти верны – и что королевству ничего не грозит. Больше всего реновианцы опасались вторжения войска Монтриса, хотя никто не удивился бы и нападению со стороны Ставина или Аргонии. Всем было известно, что мирные договоры часто нарушаются.

Но люди были встречены молчанием. Белокаменные стены и зубчатые башенки дворца безмолвно и зловеще нависали над собравшимися реновианцами, а королевское знамя Реновии реяло на самом высоком из его шпилей еще долго после того, как солнце зашло за дворец, а затем и за горизонт. Его так и не приспустили. Никто не знал, как это понимать: то ли король Эзбан жив, то ли его жена просто не может принять его смерть. Или же ситуация и того хуже – и корону захватили афразианцы?

Наступил новый рассвет, но объявления так и не произошло. Однако вести о гибели короля и поражении афразианцев распространялись от города к городу, от деревни к деревне, и толпы вокруг дворца все росли, росли. Люди стояли перед его огромными чугунными воротами, они заполнили окружающие поля, ряды скорбящих разрастались, в них вливались сначала десятки людей, потом сотни. Одни прибывали верхом или на повозках, на которых ехали и члены их семей, и их соседи, другие приходили пешком. Они привязывали к дворцовым воротам белые и лиловые тряпицы и приносили из своих садов корзины свежесрезанных цветов – лилий для королевы и сирени для маленькой принцессы – и раскладывали букеты вокруг замка. Их король пожертвовал своей жизнью, чтобы они могли надеяться на лучшее будущее, свободное от гнета ордена афразианцев. И теперь все свои надежды они возлагали на королеву-регентшу и наследницу престола.

Настроение было праздничным и в то же время серьезным и печальным. Все являлись ко дворцу в своих лучших одеждах, и посему в толпе встречались яркие цвета, разные оттенки красного и желтого, среди традиционных белых траурных нарядов. Собравшиеся здесь более походили на богатый цветник, чем на скорбящих. Здесь встречались старые друзья, вокруг родителей бегали дети, играя в догонялки. Как-никак нечасто стольким людям из стольких уголков страны случалось собраться вместе, к тому же у них был повод для празднования: королю удалось наконец разгромить мятежников-афразианцев, хоть победа и досталась Реновии высокой ценой.

Выжившие в битве с удовольствием рассказывали толпе о последних минутах жизни короля Эзбана и его доблести, клянясь, что они видели своими собственными глазами, как их великий король, собственноручно сразив целую вражескую роту, был пронзен мечом на вершине пригорка, когда на небе, провожая его в загробный мир, пламенел великолепный закат. А через несколько секунд после гибели короля убивший его монах-афразианец пал от руки младшего брата короля принца Аласта, который своим сверкающим мечом отрубил предателю голову.

Когда последние афразианцы отступили, бежав в окружающий аббатство лес, те из оставшихся воинов короля, кто не был ранен, собрали своих павших, включая самого короля, погрузили их тела на подводы и запрягли в эти подводы

немногих лошадей, которых им удалось отыскать.

И теперь этих погибших воинов во главе с убитым королем привезли в столицу, дабы похоронить их в городских катакомбах. Так что все, мимо кого проезжала эта процессия, могли видеть, что король Эзбан в самом деле мертв.

Однако королевский дворец по-прежнему хранил молчание...

* * *

На четвертый день после битвы при Баэре, ближе к вечеру, королева Лилиана наконец отодвинула край портьеры на одном из высоких стрельчатых окон своих покоев. С тех пор, как до нее дошла весть о гибели мужа, она укрывалась здесь, и ее покои стали походить на гробницу, ибо их освещала всего лишь одна свеча. У королевы болела голова. Когда она отодвинула портьеру, в комнату проникло солнце и залило светом мраморный пол. Королева вздрогнула и прищурилась, ожидая, когда ее глаза привыкнут к яркому свету, затем посмотрела на возбужденную толпу внизу. Один из собравшихся что-то кричал, те, кто окружали его, согласно кивали. Он размахивал руками, указывая на дворец.

– Мне надо поговорить с моим народом, Холт, – сказала королева. – Заверь их, что я их законная королева, хотя я и не из Реновии.

С момента, как ее муж повел свое войско на аббатство

Баэр, дабы сокрушить мятежных афразианцев, она почти не спала. И не выходила из своих роскошных покоев. Случилось именно то, чего она боялась: ее муж погиб. Она уговаривала его не отправляться в поход самому, но Эзбан сказал, что его воины должны видеть своего короля, что это его долг. Прежде всего он был человеком чести, и его призванием было вести людей за собой. Но теперь его не стало, и ей предстояло как-то жить без него.

Несмотря на свое горе, королева Лилиана держалась с обычным достоинством. Ее черные волосы были заплетены в косы и уложены в аккуратный узел, а темно-фиолетовое парчовое одеяние свободными складками ниспадало с ее плеч до туфель. Только ее лицо выдавало усталость – ее глаза, обычно подведенные сурьмой, были сейчас без краски и опухли от слез, смуглая кожа посерела. На ее чайном столике стояли серебряные подносы с нетронутой едой. Она лишь откусила от ломтика хлеба, чтобы убаготворить своих советников, прежде чем приказать им удалиться из королевских покоев.

Всем, кроме одного. Известный в народе как Королевский Ассасин, Кордин Холт был личным советником Эзбана и командующим войсками службы безопасности Реновии – а также самым близким и доверенным другом покойного короля. И посему именно ему было поручено охранять королеву Лилиану, пока король Эзбан находится в походе. И с момента, когда принц Аласт принес во дворец весть о гибели

Эзбана, только Холту королева позволяла приближаться к себе.

Как только Аласт вышел из королевских покоев, Холт встал возле их дверей и собрался оставаться на своем посту, пока он будет нужен королеве.

– Холт, я должна с ними поговорить, – сказала она.

– Это слишком опасно, – ответил он, держа руки за спиной и вздернув волевой подбородок. – Если вы выйдете на балкон, ваша жизнь окажется под угрозой. Мы не знаем, кто может стоять там, внизу.

Королева широко раскрыла глаза.

– Вы же сказали мне, что эти клятые мятежники разбиты. Что афразианцам пришел конец.

«По большей части», – подумал он. И, придав своему лицу выражение бесстрастия, осторожно ответил:

– Так оно и есть. Но в королевстве почти наверняка остались те, кто сочувствует им. Так бывает всегда.

Лилиана задернула портьеру, и комната опять погрузилась в сумрак.

– Выходит, мой муж погиб напрасно?

Холт вздохнул и переступил с ноги на ногу, почувствовав некоторую неуверенность, что с ним случилось нечасто.

– Нет, не напрасно. Да, мы понесли огромную утрату, зато королевство вне опасности, по крайней мере пока. Вашей дочери есть что наследовать. Так что ваш муж отдал свою жизнь не зря.

Королева отошла от окна.

– А где свитки? Они у нас?

– Они... – Холт запнулся. – К сожалению, нет, Ваше Величество. У нас их нет. – Он не поднял глаз, чтобы не усугублять ее тревогу. – Пока, – добавил он.

– Как это нет? – вскричала она. – Как это нет? – Холт сжал зубы, и на его квадратном подбородке выступили желваки. Он напомнил себе, что королева еще не пришла в себя после трудных родов, которые случились всего несколько недель назад.

– Коль скоро мы не смогли вернуть свитки, нашу победу над этими монахами нельзя считать полной. Они побеждены лишь частично! – Королева принялась ходить туда-сюда по кремовому ковру, и вокруг нее колыхались волны фиолетовой ткани. – Они будут охотиться за мной. Они упорны. Пока я жива, я буду им мешать. Мне что, придется до конца моих дней оставаться пленницей в этом дворце? Какой смысл жить в постоянном страхе, под угрозой, которая никуда не уйдет? – Холт никогда не видел ее такой, настолько не в себе, и даже не был уверен в том, что ее слова по-прежнему обращены к нему. – Они уже пытались убить меня – это мы знаем достоверно. И ходят слухи о новых заговорах... Они никогда не перестанут охотиться за мной, никогда! А мой ребенок? Сколько времени им понадобится, чтобы открыть охоту и на мою дочь? – Она перестала ходить по комнате и уставилась на него, словно ожидая, что он ответит на этот вопрос. Но у

него не было ответа.

Из накрытой пологом колыбели, стоящей рядом с креслом королевы, послышался детский плач, и Лилиана поспешила туда и прижала малютку к груди, успокаивая ее. И, не поворачиваясь к Холту, молвила:

– Он так и не узнает своего ребенка.

– Мне очень жаль, Ваше Величество. – Он помолчал, затем добавил: – Я понимаю.

Она обернулась и посмотрела на него уже другим, вполне осмысленным взглядом, как будто чары рассеялись.

– Конечно, понимаешь, – уже мягче сказала она. И, опять подойдя к окну, отодвинула край портьеры и посмотрела на толпу, по-прежнему прижимая к себе ребенка. На спину ей через плечо свешивался угол детского одеяльца из шелка цвета слоновой кости. – Что мы будем делать? – тихо спросила она.

Он не отвечал. Что он мог ей сказать? Он был не в силах дать ей гарантий, тем более теперь, во время войны. Мятежники вели упорную охоту на королевскую семью, они были полны решимости истребить всех ее членов, устранить всех возможных наследников. Холт мог пообещать только одно: что он положит все силы на то, чтобы защитить королеву и ее дитя. Однако тот план, над которым он думал с тех самых пор, как в начале беременности Лилианы ее попытались убить, вряд ли будет ею одобрен. Сейчас она на это не пойдет. И, быть может, не согласится никогда.

Несколько мгновений они стояли в неловком молчании. Что же делать? Войско Реновии вернулось с победой, но оно было ослаблено, ибо понесло слишком большие потери. К тому же погиб их король. Несколько предводителей афразианцев также пали, но уцелевшие бежали и, несомненно, укрылись у своих сторонников, скорее всего в другом королевстве. Но в каком? В Ставине? В Аргонии? В Монтрисе?

И, что хуже всего, они забрали с собой Деянские свитки – и спасли все древние магические знания.

Королева сделала глубокий вдох и, снова отодвинув портьеру, посмотрела в окно. Вдалеке она увидела торговца с тележкой, продающего белые траурные ленты. Люди привязывали их к палкам и размахивали этими палками – то был старинный знак скорби и надежды, призванный помогать отлетевшим душам уходить в лучший мир.

– Если я не могу обратиться к моим подданным лично, сделайте объявление за меня. Король умер, и мы должны жить дальше, – сказала она и добавила: – Что бы это ни значило.

Холт поклонился, почувствовав некоторое облегчение.

– Разумеется, Ваше Величество. – Коль скоро королева стала готова принять новое положение дел в государстве, опасное и нестабильное, надо воспользоваться случаем и заговорить на ту тему, которая была предметом их споров с тех самых пор, как король объявил монахам войну. Холт тщательно обдумал то, что скажет ей теперь.

Когда он изложил ей свой план, поведал о приготовлениях, которые он уже сделал, о предосторожностях, которые принял, лицо королевы сделалось суровым. Конечно же, ей это было не по душе. Но она была вынуждена признать, что выбор у нее невелик и времени на раздумья почти не осталось.

Королева Лилиана повернула голову к окну, хотя с ее места она не могла видеть толпу народа. Правда, было слышно, как люди скандируют:

– Король умер! Да здравствует королева!

Наконец она прервала молчание.

– Да, я дам согласие на твой план, – молвила она. И посмотрела на Холта, на лице которого было написано потрясение. Он знал, что осуществление его плана сопряжено с риском, и ожидал, что она будет противиться.

Королева подняла палец.

– Но с одним условием, – добавила она, четко произнося каждое слово. – Я соглашусь... но потребую, чтобы ты дал мне обет на крови.

Лицо Холта вытянулось. Разумеется, ей нужно нечто большее, чем обещания, нечто большее, чем слова. Хотя долг и обязывал его защищать и оберегать ее, он боялся, что она потребует от него такой клятвы. Но какой-то частью души он знал, что это случится, а раз он верен трону, у него нет выбора. Единственной его заботой остается забота о будущем королевства. И он кивнул, хотя и понимал, что тем

самым предопределил свою судьбу. Освободиться от обета на крови невозможно – во всяком случае, до того, как он будет исполнен – и он влек за собою жертву, тяжелую жертву, которую Холт должен будет принести.

В конце концов, магия всегда требует равновесия. Око за око – или сын за дочь.

Королева положила в колыбель свою спящую дочь, заперенатую так, что было видно только личико с золотистой кожей и темно-русые волосы. Затем подошла к столу, у которого стоял Холт, и взяла бутылку из матового стекла. Налив в массивный, вырезанный из горного хрусталя кубок немного розового вина, она поставила его на стол и подняла позолоченный кинжал.

И, не сводя глаз с Холта, начала монотонно читать: *Sanguinem redditur votum. Sanguinem redditur votum*¹. Она повторяла эти слова все громче, все быстрее, одновременно надрезая маленьким кинжалом свое запястье. Кровь потекла по ее руке, и Холт увидел, что она не красная, а темно-синяя, того же цвета, что и полночное небо во время полнолуния. Он попытался скрыть свое изумление, но помимо воли продолжал пялиться, широко раскрыв глаза. Лилиана между тем разрезала другое свое запястье, продолжая повторять: *Sangunum redditur votum*.

Закрыв глаза, она слегка опустила руки, держа их над кубком, и ее королевская кровь потекла в ее ладони и скопилась

---

¹ Кровь становится клятвой (лат.).

в них. Затем она повернула руки ладонями вниз, и темно-синяя жидкость стекла в вино, образовав в нем фиолетовые завитки, которые продолжали вращаться, пока она повторяла и повторяла: *Sanguinem redditur votum. Sanguinem redditur votum. Sanguinem redditur votum.*

Холт опустился на колени и протянул королеве Лилиане обе руки ладонями вверх. И, закрыв глаза, мысленно увидел годовалого мальчика, у которого не было матери.

Королева взяла его мозолистые руки в свои, прижав свои большие пальцы к его запястьям, дабы почувствовать биение крови в его жилах. На ее собственных запястьях кожа уже снова стала гладкой, как будто на них никогда не было разрез.

– Повторяйте за мной, – приказала она. – Я, Кордин Холт...

– Я, Кордин Холт, Хранитель Реновии, верный слуга дома Деллафиоре, – повторил он за ней, – клянусь своей жизнью и жизнью своих наследников, что исполню обет защищать корону и вернуть священные свитки Деи, дабы они служили законным целям.

– Это твой обет? – спросила королева Лилиана.

– Это мой обет, – подтвердил Холт.

– И ты будешь исполнять его, покуда не исполнишь? – спросила она.

Он замолк, потом кивнул:

– И я буду исполнять его, покуда не исполню. – Когда эти

слова слетели с его губ, Холт почувствовал легкую дурноту, как будто их у него вырвала некая незримая рука, ударив его в грудь, – но прежде чем он смог схватить эту руку, все исчезло.

Королева отпустила его руки и протянула ему кубок. Он взял его и, заставив себя не колебаться, выпил ее королевскую кровь.

Теперь он был связан обетом. Как и его сын.

Реновия

Восемнадцать лет спустя

Глава 1

Тень

За мною кто-то следит. Кто-то или что-то. Я брожу по лесу уже давно, но сейчас у меня такое чувство, будто за мною наблюдают. Поначалу я думала, что это одна из моих тетюшек, – ведь странно, что на сей раз они не пустились за мною в погоню. Быть может, они не ожидали, что я уйду так далеко. Но это не они.

Я останавливаюсь и откидываю капюшон, чтобы прислушаться к звукам леса. Но слышу только ветер, свистящий в ветвях, и свое дыхание.

Кто бы за мной ни следил, он хорошо умеет прятаться. Но я не боюсь.

Сквозь густую листву проникают лучи света, и блики ложатся на ковер из гниющих листьев и голую землю под моими ботинками. Я рассекаю толстые лианы и перелезаю через сгнившие стволы упавших деревьев, а с земли взлетают пестрые дрозды и исчезают в вышине над моей головой. Я останавливаюсь, чтобы послушать, как они поют, обращаясь друг к другу, – это красивые песни, и в них, несомненно, есть предупреждение о том, что по их дроздиному дому разгуливает чужая.

Прогулки в лесу помогают мне привести мысли в порядок. Здесь, среди маленьких диких существ, на меня снисходит

покой, здесь я приближаюсь к своему истинному я. А после спора, произошедшего утром, мне необходимо именно это – немного покоя, немного уединения, возможность побыть вдалеке от других.

Мои тетушки научили меня, что порой, когда на тебя наваливается слишком много неприятных вещей, надо отсеять лишнее и побыть в тишине, слушая голоса деревьев и земли. «Все ответы, которые ты ищешь, находятся рядом, но ты сможешь услышать их, только если ты готова слушать», – всегда говорит тетя Мория.

Это-то я сейчас и делаю – следую ее совету. Быть может, именно поэтому они и позволили мне убежать в лес. Но они, вероятно, надеются, что здесь я найду *их* ответы, а не свои. Что я наконец одумаюсь.

Во мне вскипает гнев. Я всегда хотела только одного – пойти по их стопам и присоединиться к Гильдии Очага – хотела больше всего на свете. Ведь наша семья не просто продает на рынке мед. В сущности, они обучали меня премудростям Гильдии всю мою жизнь – так как же они могут отказывать мне в приеме в ее члены? Я изо всех сил впечатываю подошву своего ботинка в ближайшее дерево, но это не помогает, и я замираю, гадая, услышал ли этот звук тот человек или то существо, которое наблюдает за мной.

Я знаю, что это опасный путь, но разве есть предназначение благороднее, чем продолжать дело Гильдии? Ведь ее цель – вернуть Деянские свитки и отомстить нашим врагам.

Не могут же они в самом деле ожидать, что я буду сидеть сложа руки, пока другие продолжают борьбу.

Все женщины, с которых я беру пример, — моя матушка, тетя Мория и ее жена тетя Меша — принадлежат к Гильдии; все они умелые воительницы и ведуньи. Они почитают Дею, нашу Единую Мать, прародительницу всего, что только есть в Авантине, — от облаков над головами до земли под ногами. Когда-то Дею почитали повсеместно, но ныне это не так, и те, кто придерживается культа, должны благодарить за это Гильдию Очага, которая сохранила старые обычаи и старую веру. Не будь Гильдии, все это и древние знания забылись бы давным-давно, исчезли бы вместе с грамотами, которые афразианцы отбирали у людей. Остальные королевства больше не чтут старые обычаи и старую веру, хотя и пытаются выведать секреты нашей магии.

Будучи ведуньями, женщины нашей семьи знают, как черпать силу в мире, который окружает нас, они умеют вершить то, что другие люди разучились делать еще в стародавние времена, но что умеют делать другие существа. Моя матушка и тетушки научили меня достигать самых глубин своего естества, как это делают животные, как чуют опасность и страх. Как быть в созвучии с языком природы, который люди не воспринимают, тем языком, который их приучили не слышать и не понимать.

Хотя я называю их своими тетушками, на самом деле они не состоят со мною в родстве, хотя тетя Мория и моя матуш-

ка выросли вместе, как сестры. Меня отдали им на воспитание, поскольку служба моей матушки при дворе так важна, что у нее остается недостаточно времени для того, чтобы воспитывать ребенка.

Передо мной пробегает белка и взбирается на ближайшее дерево. На полпути она останавливается и вопросительно смотрит на меня.

– Не бойся, – говорю я. – Я не причиню тебе вреда. – Она дожидается, когда я продолжу путь, и взбегает по стволу на самый верх.

Когда я в последний раз видела мать, я рассказала ей о моих планах вступить в Гильдию Очага. Я думала, что она будет рада, будет гордиться мной. Но она вдруг напряглась и, помолчав, сказала:

– Есть и другие способы служить короне.

Само собой, я предпочла бы, чтобы она была со мною каждый день, как другие матери, но мне никогда не приходилось страдать от недостатка любви. Мои тетушки всегда были рядом, они рассказывали мне сказки на ночь, лечили и утешали меня, когда я разбивала коленки, а матушка оставалась некой яркой фигурой, героиней, которой можно было восхищаться и с которой следовало брать пример. Она почти всегда врывалась в мою жизнь под покровом темноты, закутавшись в плащ и принося мне подарки, к примеру, пару бальных туфелек из парчи, которые я не забуду никогда. Они были совершенно непригодны для сельской жизни, но

я ими очень дорожила.

– Их изготовил лучший сапожник в столице Аргонии, – сказала она мне.

«Надо же, – подумала я, – какой далекий путь они проделали, прежде чем оказаться на моих ногах».

Да, мне нравились ее подарки, но особенно счастливой я чувствовала себя, когда она оставалась со мной достаточно долго, чтобы рассказать мне на ночь историю, и не одну. Она садилась на край моей кровати, подтыкала мое потертое лоскутное одеяло и рассказывала мне о прежнем королевстве Авантин.

– Наши люди – прирожденные воители, они умеют сражаться, – говорила она. – Так было всегда.

Я толковала эти слова однозначно, веря, что в будущем воительницей стану и я.

Я думаю об этих историях, продираясь сквозь подлесок. Зачем моей матушке было рассказывать мне истории о подвигах, приключениях и самопожертвовании, если не для того, чтобы я училась тому, чему обучают тех, кто вступает в Гильдию Очага? Основам, таким, как навыки выживания, охоты и чтения следов, я научилась еще в детстве, а когда подросла, то начала учиться военному делу и стрельбе из лука.

Старые обычаи, старая вера и древняя премудрость известны мне лучше, чем большинству жителей королевства, и я благодарна за то, что меня всему этому научили, но этого

недостаточно. Я хочу знать столько же, сколько знают мои матушка и тетушки, хочу вступить в Гильдию Очага.

Но теперь я боюсь, что мне никогда не удастся этого сделать.

– Ай! – Я морщусь и отдергиваю руку, увидев на ней кровь. Я так глубоко погрузилась в свои мысли, что не заметила, как порезалась, прорубая себе дорогу через кустарник. Здешний лес мне незнаком, он гуще того, к которому я привыкла. Я еще никогда не забиралась так далеко. Лежащая передо мною тропа настолько заросла, что трудно поверить в то, что до меня здесь вообще проходили и проезжали люди, тем более целые вереницы гонцов, торговцев и просто путников, путешествующих между Реновией и другими королевствами Авантина. Но это было прежде, ныне же всякие следы дороги исчезают. Даже мой клинок, выкованный из аргонианской стали – еще один подарок матушки, – не сразу перерубает самые толстые из веток, выросших с тех пор, как поток путников здесь иссяк, и преграждающих мне путь.

Я стараюсь успокоить разум и сосредоточить внимание на том, что меня окружает. Может, я заблудилась? В самом ли деле за мною следит какой-то человек или какое-то существо?

– Что же мне делать? – говорю я вслух. Затем вспоминаю совет тети Меши: «Будь готова слушать».

Я глубоко дышу и сосредоточиваюсь. «Может, мне повернуть назад?» Ответ так четок, что я чувствую его, словно тол-

чок в грудь. «Нет. Продолжай идти». Стало быть, я сумею тут пройти. И, быть может, найду какое-нибудь сокровище, забытое на этом пути.

Издалека за мною молча наблюдают лесные птички и зверушки. Они сидят на ветвях или таятся в своих норах. Иногда до меня долетает запах меха новорожденного зверька, запах молока, я чую запах страха матерей, оберегающих своих детенышей, слышу биение их сердец, их дыхание, которое учащается, когда я прохожу мимо. Я стараюсь успокоить их, закрывая глаза и посылая им заряд доброжелательной силы. «Я просто иду мимо. И для вас не опасна».

После часа или около того прорубания сквозь заросли я понимаю, что больше не осознаю, где нахожусь. Деревья тут кажутся мне какими-то другими и более старыми. Я слышу журчание воды. Вокруг появились признаки того, что кто-то побывал тут незадолго до меня. Я ощущаю под ногами ветки, треснувшие под чьими-то ногами – кто был этот человек или это существо, я не знаю, – и сучья на деревьях обломились не сами, а были обрублены чьим-то клинком. Надо попробовать определить, как давно это произошло. Быть может, несколько дней назад – а быть может, несколько недель. Трудно сказать.

Я останавливаюсь, чтобы взглядеться в растоптанные листья, и чувствую: что-то изменилось.

Вот оно опять. Кто или что бы это ни было, от него смердит, пахнет гнилью. Я вздрагиваю. И продолжаю идти, наде-

ясь оторваться от того, кто или что следит за мной.

Я опять останавливаюсь под пологом крон деревьев. Ветерок обдувает большое тело в ветвях над моей головой. Я чувствую, как оно тяжело и как тяжелеет окружающий воздух, становясь душным и зловонным. Это огромный хищник, а не человек. Он ждал удобного случая, чтобы прыгнуть на меня, и сейчас напрягся, готовый напасть.

Дерево словно застывает. Как и все вокруг. Я смотрю вправо и вижу висящего в воздухе паука, замершего, как и я сама.

Листья шелестят, словно страницы перелистываемой книги. Жар его тела приближается, приближается дюйм за дюймом. Я чую его горячее дыхание, чувствую, как он изгибается к прыжку. Ближе, ближе, и вот он бросается на меня из своего укрытия в ветвях. Намереваясь убить и сожрать меня.

Но я готова.

Когда он атакует, я свирепо бью его ногами в грудь, и он отлетает и шлепается на землю, оглушенный. Из своего гнезда на верхушке дерева взлетают скворцы, возбужденно щебеча.

Мой несостоявшийся убийца – лоснящийся черный ягуар с острыми зубами. Остальные звери и птицы замирают, умолкают, потрясенные тем, что мне удалось одолеть короля леса.

Я вскакиваю на ноги, затем слышу что-то еще, какой-то

шум – шевеление или царапанье, доносящееся издалека. Хотя я старалась вести себя осторожно, похоже, я все равно всполошила обитающих тут существ.

Я прячусь за толстым деревом. И жду несколько мгновений, но не чувствую рядом с собою никакого необычного движения. Возможно, я ошибалась насчет этого шума. Или же просто услышала, как падает обломившаяся ветка или как бежит в укрытие испуганный зверек.

У меня нет причин оставаться там, где я нахожусь, – ведь ягуар может очухаться, так что я снова иду вперед. Кажется, дальше есть поляна.

У меня начинает сосать под ложечкой. После всего, что произошло – после спора и после того, как я открыто бросила моим тетушкам вызов, – меня неожиданно-негаданно охватывает острое желание вернуться домой. Не знаю, что именно выбило меня из колеи. Нападение большой кошки? Вряд ли – я попадала в подобные ситуации и прежде, – но меня накрывает тревога.

Однако так же остро я чувствую и другое – что мне необходимо выйти из этого леса, как будто что-то неудержимо влечет меня вперед. Я ускоряюсь.

В конце концов я, пройдя по мягкой, усыпанной листьями земле и обойдя несколько громадных старых деревьев, отвожу в сторону ветку и обнаруживаю, что ошибалась. Передо мной не просто поляна – я набрела на развалины какого-то строения. Кажется, когда-то это была крепость. Стеснение

в моей груди становится еще более ощутимым. Надо уйти отсюда, повернуть назад. Тут есть какая-то опасность. Или *была* – похоже, эти развалины заброшены, и уже давно.

Вид развалин устрашает, они на редкость высоки и усеяны пятнами черной сажки – стало быть, тут был пожар и, быть может, не один. Окна здесь либо разбиты, либо отсутствуют. Растущие рядом розовые кусты почти не видны из-за буйно разросшегося чертополоха, стены покрыты выюнками, заползающими в пустые оконные проемы.

Над одним из этих проемов я вижу какой-то полустершийся, почти неразличимый резной знак. Две буквы, наложенные друг на друга и переплетающиеся в затейливом рисунке: АБ. И я сразу же понимаю, где нахожусь.

Аббатство Баэр.

Я резко втягиваю в себя воздух. Как же я смогла зайти так далеко? Сколько часов назад я вышла из дома?

Это запретное место. Опасное. Однако меня тянуло сюда. Может, это знак, то самое знамение, которое я искала? Но тогда о чем оно?

Хотя здесь и опасно, я всегда хотела увидеть это аббатство, то место, где обитали могущественные афразианцы, внушавшие такой страх. Я пытаюсь представить себе, каким оно было много лет назад, как его золотистые камни блестели под слепящим полуденным солнцем, как здесь кипела жизнь, как множество мужчин и женщин занимались в нем своими повседневными делами. Я представляю себе, как

кто-то из них медитирует вот под этим огромным дубом, как кто-то читает, сидя вот на той скамье из украшенного резбой известняка, белеющей в заброшенном саду.

Я обхожу развалины аббатства в поисках места, где его штурмовал король Эзбан со своим войском.

И слышу, как что-то движется. Звук исходит изнутри стен аббатства. Как будто кто-то двигает по каменному полу что-то тяжелое – может, открывает дверь? Или поднимает что-то с помощью ворота? Я приближаюсь к зданию и вхожу в его тень. Таково ласковое прозвище, которое мне дала моя матушка, – Тень.

Но кто это может быть? Мародеры уже давно вынесли отсюда все сколько-нибудь ценное, хотя надежда отыскать до сих пор не найденные сокровища, возможно, и сейчас привлекает сюда искателей приключений. А еще тут могут обитать бродяги. Или же это охотник либо отшельник.

Где-то недалеко по камням, журча, бежит река, и до моего слуха доносятся шелест листьев и трели птиц. Все так, как и должно быть, и все же что-то продолжает тревожить меня. Что-то вроде неотвязного шума в ушах. За мною по-прежнему следит какой-то человек или какое-то существо, и это не ягуар. От того, кто наблюдает за мною, пахнет смертью и разложением.

Я иду вперед и решаю пробежать вдоль стены до дверного проема, в котором давно нет двери. Мне хочется посмотреть, что там внутри, – ведь мне, возможно, уже никогда не

выпадет такой шанс.

Я вхожу в дверной проем и оказываюсь внутри аббатства. Большая часть его крыши обрушилась, так что света здесь более чем достаточно даже теперь, когда до сумерек остается всего ничего. В воздухе пляшут пылинки, на всех поверхностях лежит слой пыли и сажки, а в тени видна влажная грязь. Я иду вперед, оставляя на полу следы. Оглядываю пол – других следов на нем нет. В недавнее время сюда никто не заходил – во всяком случае, после последнего дождя.

Я стараюсь ступать как можно легче. Затем слышу что-то необычное. Я останавливаюсь, делаю шаг назад. Вот оно, опять. Я делаю шаг вперед – теперь подо мною массивный камень. Назад – и да, я слышу эхо. Как будто там, внизу, находится колодец. Какая-то пустота. Что же там? Кладовая? Крипта?

Мне надо повернуть назад. Из пребывания здесь не может выйти ничего хорошего, и я это знаю. Аббатство – это владения афразианцев, и неважно, что они давно покинули его. И все же. У меня нет оснований считать, что здесь кто-то есть, и кто знает, что я смогу здесь найти, если немного поищу. Быть может, здесь было спрятано сокровище. Быть может, даже Деянские свитки.

Я ступаю на большую плиту, вырубленную из темно-серого сланца. Она плотно сидит в полу, но я по мере сил отгребая грязь, скопившуюся вокруг нее, и пальцами подцепляю ее край. С усилием приподнимаю ее и сдвигаю вбок. В зияю-

щую под нею черную щель юркают сороконожки. Выпрямившись, я каблуком отодвигаю тяжелый камень еще дальше и вижу деревянную приставную лестницу, уходящую вниз.

Я нажимаю на нее, проверяя, крепка ли она, затем начинаю спускаться. Добравшись до последней ступеньки, я соскакиваю вниз и вижу перед собою длинный узкий коридор, на стенах которого укреплены канделябры, в которых нет свечей. Здесь пахнет сыростью и плесенью. Я иду по коридору, и мои шаги гулко отдаются в тишине.

Где-то впереди о камни плещется вода. Может, там течет подземная река? Коридор идет все дальше, темный и безмолвный, и с потолка его время от времени падают капли воды.

В конце его я вижу арочный дверной проем, ведущий в большую пещеру. Как я и предположила, здесь течет подземная река. Через небольшое отверстие в потолке сюда проникает свет, освещая свисающие тут и там сверкающие сталактиты, желтые, оранжевые, красные, так что кажется, будто я окружена языками огня. Эта пещера явно не творение рук человека. Скорее всего, подземный ход, по которому я шла, и все аббатства были построены вокруг нее. На берегу реки есть пристань для лодок, но сейчас она пуста.

И тут у меня екает сердце. Я потрясенно втягиваю в себя воздух.

Афразианцы покинули этот замок восемнадцать лет назад, однако рядом с дверным проемом валяется свежий

огрызок яблока.

И тут сзади, из коридора, до меня доносятся мужские голоса, и они приближаются.

Глава 2

Тень

– Кто здесь? – слышится грубый голос из коридора. И эхо повторяет: *Кто здесь? Кто здесь? Кто здесь?*

Они услышали меня! Где же мне спрятаться? Кажется, выход тут один – по тому коридору, по которому я пришла, но туда я пойти не могу. Единственный путь – река, текущая вниз. Мужчины шепчутся в коридоре, пока я соскальзываю с пристани в воду, стараясь избежать плеска. Я слышу, как в пещере топают их сапоги.

– Похоже, он смылся, – говорит один. Голос у него низкий, скрипучий. Это тот же мужчина, который крикнул: «Кто здесь?»

– Может, тебе опять чудится то, чего нет, – отзывается второй. Голос у него высокий и хриплый. Наверное, этот помоложе.

– Ты так думаешь? Тогда кто же отодвинул плиту? – спрашивает первый. – Скорее всего, тот, кто был здесь, прыгнул в реку.

Второй фыркает:

– Тогда ему точно каюк.

«Похоже, этот малый знает, что говорит», – думаю я, когда поток неудержимо влечет меня прочь, заворачивает, бежит вниз по крутому склону, становясь все быстрее. Я пытаюсь

сохранить контроль над своим телом, но вода заглатывает меня. Я силюсь вынырнуть на поверхность, схватить ртом воздух, но все тщетно. *Они были правы. Мне не выплыть.* Я не могу пересилить глубинное течение, и оно тянет меня вниз.

Я изо всех сил отталкиваюсь ногами и с огромным трудом удерживаю голову над поверхностью воды, которая плещет мне в лицо, затекает в мои нос и рот. Вдыхая воздух, я глотаю и воду, у меня не выходит иначе. «Не паникуй, – говорю я себе. – Никогда нельзя поддаваться панике».

Я вижу в воде толстый сук, пытаюсь схватиться за него, но у меня не получается. Мне вообще не следовало сюда приходить. Я утону. *Я вот-вот погибну.*

И еще одна мысль: «Мои тетушки меня убьют».

Нет, нет! Я не сдамся, не сдамся! Мои руки и ноги работают, ими будто управляет какая-то сторонняя сила. Я ухитряюсь подплыть к еще одному плывущему по воде суку и хватаюсь за него.

Мою голову снова накрывает вода. Я закрываю глаза и изо всех сил держусь за сук, затем, когда моя голова вновь оказывается на поверхности, пытаюсь глотнуть воздуха и немедленно начинаю кашлять. В мои легкие попала вода, у меня щиплет в носу. Возможно, сейчас те мужчины в аббатстве слышат звуки моей борьбы с течением, но мне все равно. Я хочу только одного – выбраться отсюда живой.

Впереди виден свет – значит, там есть выход. Сзади, отту-

да, где остались мужчины, слышится какой-то шум, как будто там дерутся, как будто на них кто-то напал. Мое дыхание приходит в норму, хотя я по-прежнему ощущаю жжение в груди и в носу. Если бы я не смогла разглядеть этот сук... или, если бы моя нога зацепилась за ветку топляка на дне...

Я выплываю из пещеры, влекомая рекой. Оглядевшись, я вижу, что очутилась по другую сторону аббатства. Рядом холм, который до того, как зайти внутрь, я видела вдалеке, – тот самый, где произошла великая битва. Я ощущаю гнетущую тяжесть смерти, она везде, она исходит от самой этой земли.

Сук, за который я держусь, останавливается, натолкнувшись на прибрежные камни, выступающие из воды под старой-престарой плакучей ивой. Мои руки ослабели, они дрожат. Надо выбраться из реки. Я могла бы укрыться под этой ивой, за ее свешивающимися ветвями, которые полностью закрывают берег. Тут можно спрятаться так, что снаружи никто меня не увидит.

«Сделай только одно – выберись из воды», – прошу я саму себя. Стиснув зубы, я наполовину вылезаю из воды, чтобы попытаться лечь на выступающий из нее камень. Из-за холма доносится лошадиное ржание, затем мужские крики – кажется, там дерутся. Я замираю, чтобы отдышаться, прислушиваясь к звукам потасовки, долетающим с той стороны. Те двое мужчин дерутся с кем-то третьим, вот и хорошо, значит, они не подойдут ко мне. Я закидываю на камень мою

правую ногу и наконец с усилием вылезаю из воды. Мои тяжелые ботинки определенно не помогают делу.

Шум потасовки вдруг резко стихает, словно какая-то из сторон одержала верх. Насквозь мокрая, я кое-как выбираюсь на берег и прячусь за занавесом ивовых ветвей. Теперь вокруг царит тишина. Те, кто дрался, удалились – или убивали друг друга. Как бы то ни было, это не моя забота.

Солнце уже заходит; наверняка мои тетушки уже начали меня искать.

Из-за холма больше не доносится ни единого звука. Мне тут не нравится. В отличие от развалин на этом месте лежит печать смерти. Печать насилия. Это как невидимый туман. Я опираюсь ладонью о толстый ствол ивы, чтобы встать.

И в меня словно ударяет молния.

Внезапно я вижу перед собою воина, одетого в цвета Реновии, он лежит на земле, истекая кровью. А вот другой воин, у него отрублена рука и одна нога сломана и согнута под неестественным углом. Он стонет от боли. «Я хочу домой, – кричит он. – Домой».

Еще один воин лежит в воде, наружу торчат только его ноги. И множество других, они везде. Они мертвы. Это битва при Баэре, она будто проходит перед моими глазами. Я чую запах крови, слышу предсмертные стоны, но на самом деле ничего этого нет. Это всего лишь иллюзия, память этих мест. Она обладает такой силой, что те, у кого есть дар ясновидения, постаравшись, могут видеть то, что происходило здесь

восемнадцать лет назад. Впрочем, они могут и не стараться. Тетя Мория говорит, что иногда подобные видения находят тебя, а не наоборот.

Видения являются мне с десяти лет.

Я поднимаю взгляд. И вижу его. Короля Эзбана.

Я узнаю его по реновианским монетам, на которых выбит его точеный профиль. Он высок, широкоплеч, и у него золотистая борода и такого же цвета волосы, выбивающиеся из-под помятого шлема. Он необыкновенен и похож на легендарных кораблестроителей из северных земель. Именно таким он и представлен в историях, которые я слышала, – отважным, полным достоинства, но в них не говорилось, что у него добрые глаза.

Мне хочется броситься к нему, но я не могу пошевелиться. Я знаю, что должно случиться, и хочу закричать, предупредить его. Но когда я пытаюсь крикнуть, у меня не получается издать ни звука.

К нему, занеся меч, бежит враг, одетый в серую мантию монаха-афразианца, с их всегдашней черной маской на лице. Король не отступает. Клинок монаха со звоном ударяется о его клинок. Они бьются, монах пытается оттеснить короля, король теснит монаха. Афразианец пытается ударить Эзбана ногой в живот, но тот уворачивается, и сапог монаха всего лишь слегка задевает его бедро. Он взмахивает мечом, чтобы зарубить афразианца, но тому тоже удастся увернуться. Король красен, его грудь вздымается, зубы оскалены. Он

снова делает выпад.

Они продолжают биться, и, похоже, их силы равны. Остальные воины не замечают этого поединка, проходящего на холме. Я пытаюсь крикнуть: *«Помогите ему!»* Но не могу, потому что каким бы реальным все это ни казалось, это только видение. Я наблюдаю за тем, что происходило в прошлом.

Я снова поднимаю глаза.

Монах лежит на земле. Король подходит к нему, заносит над ним свой меч, и на мгновение я начинаю надеяться, что на сей раз король Эзбан победит. Что прошлое может измениться. Но монах вдруг откатывается и бьет его по ноге. Король падает, пытается подняться.

И тут монах всаживает меч в его грудь и пронзает ее насквозь.

Я отдергиваю ладонь от ствола ивы. И меня начинает тошнить. Я весь день не ела, так что из меня выходит только желчь. По лицу моему текут слезы. Вот что имели в виду мои тетушки, когда говорили мне: *«Будь осторожна в своих желаниях»*. Потому что получить ты можешь совсем не то, к чему стремилась. Желая стать подмастерьем в Гильдии Очага, я искала опасностей и приключений и, увы, похоже, нашла на свою голову.

Я встаю, чтобы уйти. Судя по положению солнца, у меня еще есть немного времени до того, как совсем стемнеет. Если двигаться быстро, моя одежда просохнет прямо на мне.

Хорошо, что по ночам сейчас еще тепло. По крайней мере, насмерть я не замерзну.

И тут что-то врежется в меня спереди. Я падаю навзничь, чувствуя, что этот удар вышиб из моих легких весь воздух. На мгновение у меня мелькает мысль, что это опять тот ягуар – но нет, надо мною стоит не зверь, а человек.

Серые одежды. Жуткая черная маска ордена афразианцев, закрывающая лицо. Такая же, как те, которые несколько веков снились детишкам в ночных кошмарах. Монах заносит надо мною свой меч.

Это не видение.

Это происходит на самом деле.

Стало быть, вот кто следил за мной. Я чую тот же запах – запах разложения и смерти. Значит, я была права, меня и впрямь преследовал хищник, намеревающийся меня убить. Я так потрясена, что не могу сдвинуться с места.

Я закрываю глаза и, закрыв лицо руками, жду, когда монах заколет меня.

Но, откуда ни возьмись, кто-то приходит мне на помощь и, оттолкнув злодея, всаживает меч ему в живот.

Я открываю глаза. Над афразианцем, напавшим на меня, стоит мужчина в капюшоне. Своим мечом он пригвоздил монаха к земле.

Когда он наклоняется, чтобы обыскать карманы мертвеца, я на миг вижу его лицо.

Я смогла бы узнать это лицо везде. Это Кэледон Холт.

Неопрятная бородка, оливковая кожа, непослушные темно-русые волосы, падающие на глаза. Ему девятнадцать лет, он лишь немного старше меня, но он уже Королевский Ассасин. Любимец Гильдии Очага. Никто другой из жителей Реновии в точности не знает, как именно он выглядит и какими делами занимается, но мои матушка и тетушки состоят в Гильдии, так что им это известно, а то, что знают они, знаю и я.

Надо убраться отсюда, пока он обыскивает этого монаха. Я не понимаю, что он вообще тут делает, как и то, что со мной сейчас произошло. Но я определенно не хочу, чтобы он рассмотрел меня – ведь он, возможно, помнит меня и захочет отвести меня к моим тетушкам и рассказать им, куда я забрела. И что меня едва не убили. Если об этом узнает моя мать, мне больше никогда не разрешат выйти из дома.

А посему я прячусь в кустах, хотя маловероятно, что он смог бы узнать меня. Я видела его только раз, на похоронах его отца, но я-то хорошо знаю, кто он. Мои тетушки внимательно следят за ним. Они горячо восхищались его отцом, Кордином.

Я наблюдаю за ним из-за ближайшего куста. Он поворачивается и снимает с монаха маску. Под нею оказывается красивое лицо, обрамленное золотистыми волосами, на одной щеке афразианца видна отметина – огромный шрам – тот самый, который он получил, когда мстил за своего короля.

Я потрясенно ахаю. Но когда Кэледон поднимает взгляд,

меня уже нет рядом, я скрылась в чаще.

Мятежный монах, пытавшийся убить меня, был не кто иной, как принц Аласт, младший брат короля Эзбана.

Глава 3

Тень

Я не могла остаться. Как только Кэледон снял маску с принца, откуда ни возьмись появился отряд воинов королевых. Когда я наконец возвращаюсь домой, голова у меня идет кругом.

Как только я ступаю на гравийную дорожку, проходящую мимо огорода с лекарственными травами, у меня начинают подгибаться ноги. Может, мне в самом деле стоит просто сесть на землю и уснуть прямо здесь? Но я прохожу мимо пчельника с его рядами ульев и подхожу к дому. Наш домик темен, только в одном из его окон виден тусклый желтый свет – это окно спальни моих тетюшек. Вероятно, они воспользовались магией, чтобы определить, где я нахожусь, и с тех пор следили за тем, как я добиралась домой. *Они вполне могли бы отправить ко мне лошадь.* Надо думать, они решили так наказать меня, посчитав, что, проделав весь путь пешком, я понесу заслуженную кару.

Хотя им, скорее всего, известно, что я вернулась, я все равно вхожу через заднюю дверь и на цыпочках прохожу через кухню. Сейчас уже глубокая ночь.

Я быстро-быстро поднимаюсь по лестнице в мою уютную комнату на чердаке, пропустив седьмую ступеньку снизу, поскольку она издает такой громкий скрип, что от него мог бы

проснуться и медведь, погруженный в зимнюю спячку, и наконец плюхаюсь на свою мягкую кровать, сбросив с ног ботинки, но не сняв одежды. Утром я об этом пожалею, ведь мне придется стирать испачканное постельное белье, но сейчас мне нужно только одно – лежать и знать, что меня никто не побеспокоит.

Но я не могу не думать о том, что случилось. Я снова и снова вижу Кэледона и принца. Принц пытался убить меня! И на нем была афразианская маска. Значит ли это, что он изменил короне? Я обязана Кэледону жизнью – однако я никому не могу рассказать, что он спас меня! Меня мучает вина – а вдруг Кэледона накажут за то, что он убил принца? Я должна что-то сделать, должна что-то сказать.

В доме царит неестественная тишина – это значит, что мои тетушки прислушиваются к каждому моему движению. Я напрягаюсь, ожидая, что вот-вот услышу их шаги на лестнице, но они так и не приходят.

Наконец я слышу, как они шепчутся в своей спальне. Я пытаюсь подслушать их, но я слишком устала, чтобы прилагать усилия. К тому же заградительное заклятие, которое они накладывают на свою комнату, обычно не дает мне услышать то, что они говорят, даже если я стараюсь. Интересно, что им известно о том, где я была? Думают ли они, что раз я вернулась, то они одержали верх в нашем утреннем споре? Что я готова отказаться от мысли вступить в Гильдию Очага?

Но, несмотря на усталость, сон ко мне не идет. События

дня проходят перед моим мысленным взором опять и опять: Кэледон Холт, принц Аласт, спор о моем будущем, который, в конце концов, и привел меня в аббатство Баэр. Я вспоминаю, как таинственная сила влекла меня туда, вспоминаю видение, явившееся мне, когда я коснулась той ивы... Мне бы хотелось рассказать обо всем этом тетушкам, но тогда мне пришлось бы признаться, что я побывала в аббатстве и что там меня подстерегала смертельная опасность.

Несмотря на мысли, теснящиеся в моей голове, в какой-то момент меня все-таки одолевает сон, а затем я просыпаюсь от криков петухов и лязга котелков. Тетя Меша готовит свою всегдашнюю утреннюю овсянку. У меня урчит в животе. Надеюсь, к овсянке она подаст патоку, а не один только мед. А также поставит на стол свежие сливки.

Я накрываю голову подушкой. Не знаю, спали ли мои тетушки минувшей ночью. Я слышу их голоса. Похоже, они думают, что я все еще сплю, — и поэтому не пытаются помешать мне услышать их слова.

Я слышу, как тетя Меша говорит:

— Мы не можем допустить, чтобы она...

Но тетя Мория перебивает ее:

— Если она отправится туда все равно, то что же нам делать? Ты этого хочешь?

— Но несем ли мы вообще ответственность за то, чтобы она...

— Как ты можешь так говорить? Ты же знаешь, что несем!

Я слышу, как одна из них с сердитым стуком мешает чай в чашке, затем шваркает ложку на стол.

— Конечно, мы с тобой давно были такими юными, как она сейчас, но надеюсь, ты еще помнишь, что, если молодому человеку или девушке что-то втемяшится в голову, если они полны решимости, с этим мало что можно сделать... Может быть, если... — голос тети Меши затихает.

Я переворачиваюсь и заставляю себя встать с кровати. Мои руки и ноги ужасно ноют после вчерашнего, шея не поворачивается, плечи болят. Кисти моих рук покрыты крошечными царапинами. Мне страшно посмотреть в зеркало, настолько я уверена, что выгляжу еще хуже, чем себя чувствую. А ведь мне и сегодня надо отправляться в город, чтобы продавать мед.

Когда я спущусь на кухню, они начнут задавать мне вопросы. Наверное, можно было бы рассказать им о ягуаре, но больше ни о чем. Они ни за что не поверят, что меня атаковали *случайно* и это чистое совпадение, что Кэледон Холт, которым я так открыто восхищаюсь, оказался рядом именно в нужный момент. Как мне заставить их поверить, что все это была всего лишь игра случая? Наверняка они подумают, что я следила за Кэледоном в надежде убедить его позволить мне стать подмастерьем Гильдии Очага. Потому что другого разумного объяснения всему этому нет.

Избегая смотреть в маленькое зеркальце, висящее на стене, я снимаю грязную рубашку и порванные черные штаны

– они явно испорчены непоправимо – и с грехом пополам умываюсь остатком чистой воды, которую я принесла в свою комнату позавчера. Затем расчесываю свои длинные волосы, попутно извлекая из них веточки и листья, и сооружаю из них узел на затылке. Ну вот, как-то так. Облачившись в чистую льняную сорочку, я надеваю поверх нее юбку из мягкой коричневой ткани, затем зашнуровываю на себе кожаный корсаж. Теперь я выгляжу пристойно. Я повязываю передник и обуваюсь в деревянные сабо.

Мои тетушки обрывают свой разговор, услышав стук моих деревянных подошв по ступенькам. Я слышу, как они мешают ложечками чай, затем кто-то из них разбивает яйцо, и оно шипит, упав на нагретую сковороду.

– Доброе утро, – говорю я, входя в кухню.

Ни одна из них не отвечает. Они смотрят на мое лицо, затем переводят глаза на мои руки. И переглядываются. Нет, они не сердятся. Не знаю, что именно у них на уме – но они точно обеспокоены. И раздосадованы. И, может быть, немного грустны? Они явно не спали или спали, но мало – на них обеих ночные рубашки и халаты, и волосы тети Мории все еще накручены на папильотки. А волосы тети Меши заплетены в ее всегдашнюю нетугую косу, лежащую на спине – она носит такую прическу постоянно, и ночью и днем.

Я веду себя как ни в чем не бывало. Интересно, заговорит ли кто-то из них о вчерашнем или же инцидент исчерпан и забыт? Я беру с полки щербатую чашку и сыплю в нее смесь

сушеных трав. Мои тетушки продолжают смотреть на меня, а я делаю вид, будто этого не замечаю. Я добавляю к травам изрядную дозу куркумы, чтобы облегчить боль в мышцах. Затем беру прихватку, снимаю с огня чайник, наполняю чашку кипятком и опять подвешиваю чайник над огнем в очаге.

Я начинаю гадать, где мне лучше ждать, когда мой травяной чай настоится: здесь или снаружи, и тут тетя Мория наконец говорит:

– Нам надо поговорить, дитя мое.

Тетя Меша начинает суетиться, открывать и закрывать стоящую на столе посуду, будто что-то ища. И, остановившись в конце концов на банке с медом, принимается ложку за ложкой класть его в свою миску с овсянкой. Ее руки дрожат.

Я киваю, отпив глоток моего слишком горячего, еще не настоявшегося и водянистого чая. Мне не хочется рассказывать им что-либо или задавать вопросы, поскольку это могло бы вывести нас на такие темы, которые у меня нет охоты обсуждать.

– Меша? Ты не хочешь... – начинает тетя Мория.

Тетя Меша шваркает ложку для меда на стол.

– Нет, не хочу, и тебе это отлично известно.

– Что это с вами? – спрашиваю я. Их поведение начинает беспокоить меня. Я чувствую, что дело тут в чем-то большем, чем вопрос о том, где я пропадала вчера.

– Ну... – говорит тетя Мория.

Тетя Меша раздражается слезами.

– Я не понимаю, как это могло произойти так быстро.

– Успокойся, Меша. Ты пугаешь ее.

– Если честно, это делаете вы обе. – говорю я.

Мне в голову приходит ужасная мысль. Они что, собираются выдать меня замуж? Часть чая выплескивается из моей чашки. Я ставлю ее на стол и вытираю руку о юбку.

Меша вытирает лицо передником.

– Мы получили это сегодня, это письмо от твоей матушки и повеление, пришедшее из дворца. Ты должна будешь занять свое место рядом с матушкой во дворце.

Я читаю короткую записку моей матушки и официальный документ.

Девике Тени, проживающей в королевстве Реновия, в деревне Нир, на ферме «Медовая Поляна».

Ее Королевское Величество Лилиана, королева-регентша Реновии, требует твоего прибытия ко двору в Виолле Рузе.

Я хотела, чтобы моя матушка призвала меня к себе, но не так. Я так и сказала ей, когда она навещала меня в прошлый раз. Я попросила ее отправить меня на обучение в Гильдию. Я знаю, временами я веду себя слишком смело, но все эти годы я была покладистой дочерью, всегда готовой слушать и учиться – и что же? На пороге взрослой жизни со мной

обращаются, совершенно не считаясь с моими желаниями? Мне семнадцать лет. Я уже достаточно взрослая и для замужества, и для того, чтобы иметь собственную жизнь.

И тут меня осеняет. Поэтому-то это и происходит именно теперь.

И я не могу послушаться повеления королевы.

– Мы так гордимся тобой, – говорит тетя Меша.

– Твоя матушка так гордится тобой, – добавляет тетя Мория.

Наверняка они полагают, что это великая честь – вместе с моей матушкой жить во дворце. Об этом мечтает любая девочка. Но я уже не девочка. И я никогда не мечтала жить в королевском дворце. Я жажду выполнять опасные задания, жажду заниматься секретной работой, быть шпионкой, как моя матушка, когда она была молодой. Но ей это невдомек, поскольку жизнь при дворе всегда была для нее важнее, чем попытки по-настоящему узнать свою единственную дочь.

– Я не хочу отправляться ко двору, – говорю я.

– Ты поедешь туда не сейчас, – отвечает тетя Меша. – Твоя матушка пишет, что у нас есть неделя подготовиться.

Тетя Мория обнимает ее, затем поворачивается ко мне.

– Давайте не будем говорить об этом сейчас. Тень, дорогая, сходи на огород и проверь, как там наша мята, хорошо? Я опасаюсь, что ночью на нее опять напали вредители.

Я беру свою чашку с травяным чаем и через заднюю дверь выхожу из кухни на огород. С мятой, разумеется, все в по-

рядке. Им просто хочется уединиться, чтобы поговорить обо мне. Я усаживаюсь на нашу старую каменную скамью и дую на чай, чтобы остудить его, одновременно думая о повелении явиться во дворец, а также о том, что случилось со мной вчера. Я по-прежнему не знаю, как это понимать и что делать после этого.

Я должна явиться ко двору. Разумеется, девушки в городе, вечно копирующие модные прически и декольте знатных дам, не колебались бы ни секунды. Они бы сочли меня душой, узнав, что я сомневаюсь. Признаться, какой-то части меня, совсем небольшой, приятно было бы увидеть их лица, когда они услышат, что пасечница стала придворной дамой. Но это удовольствие продлилось бы недолго.

Я предназначена для куда большего. Теперь мне известны такие вещи, которые не знает даже моя мать, которые не знает Гильдия Очага. В аббатстве Баэр до сих пор имеются какие-то секреты. Афразианцы отнюдь не так слабы и разрозненны, как все думают. Хотя Кэледон убил принца, он не преступник, а герой. Он спас мне жизнь. Двор должен об этом узнать. И королева должна об этом узнать.

И мне вдруг приходит в голову, что мой вызов в Виоллу Рузу – это не так уж и плохо.

Глава 4

Кэледон

От глубокого сна Кэла пробуждают грохот лошадиных копыт и звон колокольчиков, которые прикрепляют к сбруе королевских лошадей. Голова у него раскалывается, во рту пересохло. Он облизывает потрескавшиеся губы, но это не помогает.

Три отрывистых удара в дверь. Он не отвечает. Еще удары. Он тяжело вздыхает. Снаружи начинают уже не стучать, а молотить в дверь.

– Что, не терпится, да? – наконец кричит он, глядя на дверь.

Он садится на кровати и заставляет себя встать, плечи у него болят, шея не поворачивается. Он по-прежнему одет во вчерашнее платье и даже не снял с ног грязных сапог.

Развалины аббатства, стычка с монахами, потрясение, которое он испытал, когда обнаружилось, что предатель – это младший брат короля, незнакомая девушка, жизнь которой он спас, – все эти картины обрушиваются на него снова. Более того, судя по яркому солнечному свету, льющемуся в окно, он проспал куда дольше, чем собирался.

Когда он открывает дверь кузницы, паж с детским личиком – на вид мальчугану никак не больше двенадцати лет – протягивает ему свиток, запечатанный королевской печатью

Реновии. Кэл хрипло благодарит пажа, мальчик, не говоря ни слова, отрывисто кланяется и возвращается к карете, ожидающей на булыжной мостовой улицы.

Заперев дверь на оба запора, Кэледон садится на деревянный табурет, стоящий перед очагом. Это его любимое место для размышлений, здесь хорошо думается, и обычно при этом он готовит на огне какое-нибудь сытное варево. Именно здесь ему приходят в голову самые удачные идеи. Так, в прошлом году ему пришлось на ум сыграть роль повара, чтобы проникнуть в поместье одного сторонника афразианцев в Ставине, — это оказалось проще простого — и тем самым получить прямой доступ ко всем его съестным припасам. А минувшим летом он, научившись изображать аргонианский акцент и выучив наизусть кучу монологов, исполнил главную роль в любимой пьесе еще одного малого, мечтающего узурпировать власть, и тем самым сумел втереться в его ближний круг.

Он распечатывает свиток с помощью ножа и разворачивает его.

Ее Королевское Величество Лилиана, королева-регентша Реновии, требует твоего незамедлительного прибытия ко двору.

Написано по существу, но явно не очень-то милостиво. За подписью и печатью самой королевы Лилианы. Кэл ругается. Как он мог проспять так долго? Он намеревался прибыть во дворец на рассвете, чтобы самому доложить коро-

леве о том, что произошло в аббатстве. Но после того, как ему пришлось сразить нескольких мятежных монахов, спасти девушку и убить принца, он без сил рухнул на свое ложе, едва вернувшись домой. И теперь он понятия не имеет, какую историю ей рассказали те воины, которые прибыли туда, когда все уже было кончено. Он удивился, увидав королевских гвардейцев так далеко от дворца, но был благодарен за их помощь в уничтожении все еще остававшихся в окрестностях афразианцев.

Он отправился туда вчера, повинувшись наитию. Нет, он не обольщался, но у него было такое чувство, что, быть может – *быть может* – это наитие наконец приведет его к исполнению его долга перед королевой. Быть может, он сможет отыскать свитки Деи где-то в пещере внутри одного из холмов, высящихся за аббатством.

Поиск этих свитков составляет смысл всего его существования. Он исполнит обет своего отца, даже если для этого ему придется умереть. Он продолжит жить этой жизнью и не успокоится, пока они не будут найдены и возвращены королеве.

Вот только они с королевой иногда расходятся во мнениях относительно того, что именно следует делать, чтобы их найти. Кэл подается вперед и, опершись локтями о колени, закрывает лицо руками. Как же ему объяснить королеве произошедшее накануне? Поехав в аббатство, он нарушил ее приказ. Ведь она велела ему ехать в Монтрис. Однако на

прошлой неделе, когда он играл в кости с матросами каперского корабля в одном из аргонианских портов, они упомянули в разговоре некоего реновианского рыбака, приобретшего небольшое грузовое судно, чтобы возить коммерческие грузы по рекам, и это немедленно напомнило ему ту реку, которая протекает под Баэрскими холмами. Поэтому он и решил довериться своему чутью и вместо Монтриса отправиться к развалинам аббатства. И хорошо сделал, иначе та девушка была бы сейчас мертва.

Что же он скажет королеве, когда прибудет во дворец? «Знаете, Ваше Величество, плохая новость заключается в том, что дело мятежных афразианцев не умерло, оно живет и здравствует. Есть новость и похуже – принц Аласт, ваш дед, участвовал в подготовке их мятежа. Хорошая новость в том, что я поймал его, а плохая – что я убил его прежде, чем узнал, кто он. В свою защиту я могу сказать, что он был одет как мятежник и собирался заколоть ни в чем не повинную девушку».

Впрочем, это королеве уже известно. Об убийстве принца, а не о девушке. Но *почему* Аласт хотел убить ее? И непонятно, что она делала на поле битвы при Баэре. Большинство тамошних жителей обходят его стороной, считая, что оно проклято.

Но сейчас у него нет времени на то, чтобы думать о том, кто она и что делала на поле той давней битвы. К этим вопросам он вернется позже.

Кэл встает с табурета и начинает ходить туда-сюда перед очагом, обдумывая положение дел. Какое-то время назад эти королевских шпионов стало известно, что секта афразианцев опять набирает силу. В донесениях говорилось, что афразианцы готовятся и ждут подходящего момента, чтобы нанести удар и свергнуть королеву, которая правит только на правах регентши. Они собираются заменить ее и принцессу, ее дочь от Эзбана, своим ставленником, в котором, как они считают, течет их чистая магическая кровь.

Однако реновианцы не имеют ни малейшего представления о том, где базируются мятежные монахи, – кто-то утверждает, что они обосновались в одной из таверн столицы, другие – что их штаб-квартира находится на какой-то ферме в Аргонии или где-то в Ставине. Королева же убеждена, что средствами их снабжает Монтрис, что это именно ее бывшая родина плетет заговор с целью ее свержения. Хотя считается, что между их странами царит мир, недавно Монтрис отправил на границу подозрительно большое войско. И многие реновианцы боятся, что их соседи готовят вторжение.

Но у Кэла имелись иные соображения относительно того, где искать бунтовщиков.

Разве есть лучшее место для подготовки их мятежа, чем само аббатство Баэр? Все считают, что там никого нет, поскольку его земли осквернены, а замок разрушен. Но в лабиринте его подземелий может храниться столько продовольствия, что этих запасов хватило бы на несколько лет. К тому

же маловероятно, что кто-то набредет на его развалины случайно, к этому надо прибавить, что немногочисленные жители города Баэр не любят чужаков, не говоря уже о том, что для того, чтобы достичь ворот аббатства, нужно пробраться сквозь дремучий, полный опасностей лес.

Придя к выводу, что монахи решили просто-напросто обосноваться в своем прежнем обителище, Кэл, однако, никому не сказал, что он собирается обследовать развалины аббатства, и скрыл это даже от королевы. Лучше держать язык за зубами, чтобы исключить всякую возможность того, что сведения о его подозрениях дойдут до ушей врагов. Придворные любят чесать языки, и уклад двора подразумевает торговлю мелкими секретами и кумовство. Кэл терпеть не может придворную жизнь и всеми силами старается избегать ее.

Разумеется, кроме поисков свитков перед ним стоит и более насущная проблема. Что с ним сделают за убийство принца Аласта – наградят или накажут? Он не знает, что решит королева. Ведь официально он находится на ее службе всего несколько лет. Она доверяет ему, но он не знает, кто еще имеет доступ к ее августейшему уху и не работали ли эти люди на покойного принца. Почему знать, возможно, кто-то уже пытается перевернуть эту историю с ног на голову и представить дело так, будто он подставил Аласта и что на самом деле он сам втайне состоит в ордена афразианцев, – или наплести что-нибудь еще против него.

Если даже принц был человеком афразианцев, то любой придворный может быть с ними заодно. У Аласта была безупречная репутация. Он пользовался уважением, ему верили, его даже любили – как же, ведь он герой, отомстивший за гибель Эзбана. Ни у кого не было ни малейшего подозрения, что он гнусный изменник, затесавшийся в их ряды. Все были уверены, что он всей душой предан королеве и своей племяннице, предан Реновии. Если бы вчера утром кто-то сказал Кэлу, что до того, как стемнеет, он убьет принца, он бы посмеялся.

Кэл напрягает память, пытаюсь припомнить что-нибудь подозрительное, чему он не придавал значения, – какой-нибудь необычный разговор, странное поведение кого-то из придворных. Не замечал ли он, чтобы во время ужина Аласт с кем-то шептался, чтобы когда-либо он вдруг не ко времени исчезал – что угодно, что могло бы пролить свет на его роль внутри ордена афразианцев? И не говорил ли когда-нибудь он сам, Кэл, чего-нибудь такого, что может быть истолковано превратно, что могли бы использовать против него тайные враги? Но ничего не приходит ему на ум. Насколько он помнит, никто при нем не вел себя странно. Впрочем, это еще ничего не значит.

Ему в голову приходит ужасная мысль: а что, если Аласт выполнял секретное задание королевы, – что, если та крестьянская девушка была шпионкой? И он, Кэл, придя ей на помощь, убил его напрасно?

Он сминает в кулаке свиток с повелением явиться во дворец и бросает его в огонь. «Что сделано, то сделано», – говорит он себе. Ничего не воротишь. Исправить ничего нельзя. Его головная боль усугубляется, левый висок словно пронзает ножом. Когда он в последний раз ел, когда пил? Он начинает наливать вчерашнюю питьевую воду в глиняную кружку, затем решает допить ее остатки прямо из кувшина. Затем хватает ломоть черствого хлеба и запихивает его в рот. Хорошо, что хлеб жесткий и его трудно жевать – это даст ему хоть какую-то физическую разрядку.

Неизвестность еще больше усугубляет дело, и он решает, что лучше немедленно ехать в Виоллу Рузу. Чем скорее он окажется лицом к лицу с королевой, тем скорее сможет перестать беспокоиться. Он терпеть не может изводить себя беспокойством, ведь это пустая трата времени. Куда лучше действовать. А действовать надо быстро.

У него мало мебели – только кровать и простой гардероб, который сколотил его отец и в который он вешает немногочисленные предметы своей одежды. Остальные его вещи – пара книг и клинки, унаследованные им от отца, – хранятся в запертом сундуке, стоящем в изножье кровати.

Он мог бы иметь куда больше – королева платит ему хорошо, – но, по его мнению, чем меньше у него пожитков, тем лучше. Как бы ему тут ни нравилось, он никогда не позволял себе окружать себя излишними удобствами, обустриваться слишком уж основательно. Он должен жить сегодняшним

днем, а не заботой о туманном будущем. К тому же чем больше вещей, тем больше багажа, а ему, может статься, придется покинуть это место в течение нескольких минут. Будучи Королевским Ассасином, он никогда не может знать, куда его работа закинет, на какое время ему придется уехать и вообще вернется ли он. А если он не вернется, почем знать, кому доведется рыться в его вещах?

К тому же ему некому оставить свое имущество.

Наверное, так оно лучше. Его отец не знал, что не вернется, когда отправился на розыски заговорщика пять лет назад. Не знал, что никогда больше не увидит своего сына. Что тот останется сиротой и будет жить один-одинешенек.

Расти без матери было тяжело, но потерять отца еще тяжелее. Его отец был единственным человеком, который заботился о нем, который делал так, что у него была еда, который успокаивал его, когда он кричал по ночам, который научил его завязывать шнурки и ловить форель, которому приходилось исполнять две роли – одну для него, Кэла, а другую для королевы, – и с потерей отца он утратил нечто такое, чего ему никогда не вернуть. Но лучше об этом не думать.

Кэл начинает облачаться в свой лучший наряд, но затем решает, что для предстоящей встречи с королевой стоит одеться поскромнее. И выбирает самое чистое повседневное платье, которое у него есть, – простые коричневые панталонны, такого же цвета камзол и белую рубашку. Затем надевает на голову кожаную шляпу, которую королева подарила ему

год назад, когда он стал совершеннолетним и официально сделался Королевским Ассасином. Чтобы напомнить ей о ее расположении к нему. И о том, что он хорошо делает свою работу.

Он выходит из дома через заднюю дверь и садится на свою гнедую кобылу Рейну. Она тихо ржет, радуясь тому, что он рядом.

– Извини, девочка, сегодня у меня нет для тебя яблок, – говорит он, потерев ее лоб. Рейна наклоняет голову и бьет копытом. Кэл смеется. – Не капризничай. Я добуду тебе лакомство позже. А сейчас нам надо ехать.

Они двое неразлучны с тех самых пор, когда он спас ее, – в то время она еще была жеребенком. Рейна – единственное существо, к которому он позволил себе привязаться. Как-то летним вечером, когда вот-вот должна была начаться гроза, он, возвращаясь из дворца в свою кузницу, нашел ее привязанной к дереву у дороги, где кто-то бросил ее. Тогда она была пугливой и всего боялась. «Жаль, что лошади не умеют говорить», – часто думал он. Ему хотелось узнать, кем был ее предыдущий владелец и почему он покинул ее. Впрочем, теперь это уже не имеет значения, ведь Кэл верит, что она не зря оказалась на его пути. Ей было предназначено стать его другом. Двое сирот, которые нашли друг друга.

Он машет рукой молочнице, продающей масло с подводы, затем портному, стоящему возле своей мастерской на углу. Для них он всего-навсего молодой кузнец из Серроне, кото-

рого по работе нередко вызывают во дворец. За те несколько лет, что он здесь живет, у него никогда не было неприятностей с соседями. Он никогда не имел дел с бродягами, заходящими в здешнюю таверну, не заглядывался ни на чьих дочерей. Он просто занимается своим делом и держится особняком. И намеревается вести себя так и дальше.

Глава 5

Кэледон

Когда Кэл приезжает во дворец, лакей отводит Рейну в конюшню. Кэл входит в парадную приемную, стены которой увешаны портретами королей и королев, правивших Ренови-ей прежде. Вот портрет короля Эзбана, на котором он изображен вместе со своими братьями, Алмоном и Аластом. Говорили, что эти трое были так близки, как только могут быть близки родные братья, однако младший брат, Аласт, все это время втайне был афразианцем. Вот портрет Эзбана и его королевы, а вот – кронпринцессы, написанный, когда она была еще малюткой. И, разумеется, портреты их предков вплоть до тех времен, когда Авантин еще был един. Тут есть даже портрет короля Фраза, угрюмого и седоволосого, с аккуратной бородкой и ястребиными носом и лицом.

В самой глубине зала, рядом с дверями в личную приемную королевы, висит портрет короля Эзбана в полный рост. Кэл садится на мягкую скамью, ожидая, когда его позовут к королеве, и его взгляд то и дело привлекает этот портрет покойного короля. Неудивительно, что Эзбан приводил людей в трепет, ведь он был огромен, как медведь.

Отец Кэла часто рассказывал ему о короле. Его же отец, дед Кэла, был известным поваром, подвизавшимся на королевских кухнях. Его таланты ценились так высоко, что его

низкорожденный сын удостоился чести учиться у тех же наставников, что и юные принцы. Особенно Кордин сблизился с принцем Эзбаном. Они вместе играли, а позднее, когда Эзбан стал королем, он сделал Кордина своим личным советником.

Отец рассказывал Кэлу, что, хотя во многом Эзбан был горяч и бескомпромиссен – в основном это касалось того, во что он верил, – он вовсе не был тем безрассудным тираном, каким рисовали его изменники-афразианцы. Он никогда не собирался использовать древние знания, изложенные в Деянских свитках, исключительно для собственной выгоды. Добыв их, он намеревался разделить их со своим народом, чтобы они смогли улучшить свою жизнь после многих веков угнетения и страданий. Но, к сожалению, ему так и не представилась возможность это сделать.

Король Эзбан был не похож на тех государей, которые правили до него. Он унаследовал трон только потому, что его старший брат, Алмон, неожиданно скончался во время своего визита к одному из великих герцогов Монтриса. Они ездили на охоту и возвращались в герцогский замок, когда молодой король Алмон вдруг свалился со своего коня прямо посреди поля. Его тут же доставили в его опочивальню в усадьбе, но ему уже никто не мог помочь. Другие гости, находившиеся в то время в доме герцога, рассказывали, что он был с головы до ног покрыт ярко-красной сыпью и что его лицо и кисти рук так чудовищно распухли, что он в конце

концов задохнулся.

Как только Эзбан был коронован, распространился слух, что это он отравил Алмона. Что он замышлял убить своего собственного брата, дабы воплотить в жизнь свои еретические планы, направленные против монахов-афразианцев, единственных законных хранителей Деянских свитков. На самом же деле монахи боялись короля Эзбана потому, что он был не готов закрывать глаза на их злоупотребления. Как законный государь Реновии, он был единственным человеком, который все еще обладал достаточной властью, чтобы обвинить их в измене и распустить орден, если он сочтет, что их двурушничество зашло слишком уж далеко.

Мятежные афразианцы печатали и распространяли по городам и селам королевства прокламации, в которых утверждалось, что король Эзбан суть человек бесчестный и алчный, одержимый ненавистью ко всему, что составляет традиционный уклад. «Новый король требует возвращения свитков потому, что желает, чтобы премудрость Деи принадлежала ему одному, – говорилось в одном из памфлетов, которые сохранил отец Кэла. – Прибрав их к рукам, он использует их магическую силу против нас».

И неважно, что все было как раз наоборот. Став королем, Эзбан и его совет начали работать над тем, чтобы сделать обучение магии более доступным – для этого они распускали афразианские монастыри и основывали новые учебные заведения для народа.

Король Эзбан хотел, чтобы Реновия стала не просто сильной, — он желал, чтобы она стала самым процветающим и передовым королевством из всех, светочем искусств и магической премудрости. И он понимал, что ради достижения этой цели, надо чтобы власть имущие, как он сам, ослабили контроль. К окончанию своего царствования он воплотил идею равноправия в куда большей степени, чем любой другой из государей Реновии. Он отменил обязательные рекрутские наборы, снял торговые барьеры на границах, в результате чего пряности и редкие ткани стали более доступны. А кроме того, он повелел монастырям открыть свои двери всем, кто нуждался в помощи, — больным, голодным.

Но и этого было недостаточно для того, чтобы снять с Эзбана подозрения, тем более что афразианцы всячески подогревали их, неустанно вливая в сознание людей ложь. И некоторые из них вступали в секту вместо того, чтобы принять перемены, поскольку были убеждены, что скоро Эзбан покажет свою истинную сущность и все увидят, в чем в действительности состоит его план. По их утверждениям выходило, что, завоевав доверие народа и упразднив аббатство Баэр, он станет использовать Деянские свитки исключительно для своей выгоды и начнет тиранить своих подданных вместе с молодой женой-чужеземкой.

Если бы только Эзбан нанес удар по монахам сразу. Но он считал, что его дела будут говорить сами за себя, что благодаря им народ поймет, что все обвинения в его адрес — ложь,

и таким образом он сможет победить.

Это было его самой большой ошибкой.

В конце концов афразианцам стало уже недостаточно просто свергнуть Эзбана, и они замыслили убить короля и его беременную жену, разогнать его совет и посадить на престол одного из своих.

Но шпионы короля, руководимые Кордином Холтом, сумели проникнуть в секту и предупредили Эзбана до того, как афразианцы успели нанести удар. Королевское войско взяло аббатство штурмом, застав монахов врасплох накануне задуманной ими атаки, и положило конец и их заговору, и их секте.

Вернее, так считалось. Кэл вздыхает. Теперь он знает правду. Афразианцы далеко не побеждены. Более того, они сумели завербовать в свои ряды принца Аласта. Человека, столь преданного королеве, что он так и не женился и не имел собственных детей. Толковали, что он посвятил свою жизнь защите кронпринцессы.

Кэл прислоняется к стене. Наконец появляется дворцовый паж, чтобы поприветствовать его, затем исчезает за дверью. И через несколько мгновений возвращается и вводит его в личную приемную королевы.

Узнав, что он прибыл во дворец, она не медлит. Стало быть, она ожидала его.

Два лейб-гвардейца берутся за затейливые золотые ручки трехметровых арочных дверей из красного дерева. Несмотря

на свои размеры, они бесшумно отворяются наружу.

Длинная богатая ковровая дорожка – безупречно белая – тянется от двери через пустой зал и заканчивается, немного не доходя до возвышения, на котором стоит королевский трон. Прежде чем выйти из приемной королевы, Кэл снимает обувь, делает глубокий вдох и входит в зал. Он готов.

Гвардеец, стоящий слева, громко произносит:

– Кэледон Холт!

Кэл кивает ему, но тот на него даже не смотрит.

– Подойдите, – ровный голос королевы Лилианы, до сих пор произносящий слова с легким акцентом: следствие того, что свое детство она провела в Монтрисе, – заполняет весь зал.

Она восседает на троне, обрамленная справа и слева окнами высотой во всю стену, ее черные волосы уложены в тяжелый узел, на голове блестит корона из затейливых золотых листьев. Ее элегантное белое платье с вышивкой в форме золотых листьев такой же формы, как листья на ее короне, ниспадает с колен на босые ноги. Она носит траур уже восемнадцать лет, оставаясь вечной вдовой. Кэл уверен, что она делает это не только из-за скорби, но и затем, чтобы отводить потенциальных претендентов на ее руку.

Сегодня она тут не одна. Справа от нее сидит девушка, также одетая во все белое, с высоким прихотливым серебристо-белым париком на голове. На ней белая полумаска, украшенная перьями и бриллиантами, лицо сильно накрашено. В

прорезях ее маски видны глаза, густо подведенные сурьмой, на губы нанесена вишневая краска. Вид у нее скучающий, и она смотрит на свои ногти, выкрашенные таким же вишневым цветом. Кэл старается скрыть свое удивление при виде кронпринцессы Сирени.

Она редко появляется на людях – с самого ее рождения ее видят нечасто, если не считать особых случаев, таких как день рождения королевы-регентши или годовщина смерти короля, впрочем, даже в такие дни не всегда. По дворцу ходит слух, что королева Лилиана подыскивает для своей дочери жениха, поскольку хочет выдать ее замуж до того, как она станет совершеннолетней и займет престол, дабы объединить королевство с государством-союзником и уберечь его от растущей угрозы со стороны прежнего отечества королевы, которое также является ближайшим соседом Реновии. Толковали также, что до своего брака с Эзбаном Лилиана была обручена с королем Монтриса, однако она предпочла тайно сбежать с Эзбаном. Их брак отрицательно повлиял на отношения между двумя королевствами, подорвав наметившуюся тенденцию к укреплению их добрососедства, и за восемнадцать лет, прошедших после смерти Эзбана, эти отношения стали такими натянутыми, что ныне они опять балансируют на грани войны.

Принцесса устремляет на него пронзительный взгляд. Он отводит глаза.

Королева начинает говорить не сразу. Кэл пытается сохра-

нять видимость спокойствия.

– Оставьте нас, – приказывает королева. Ее лейб-гвардейцы низко кланяются ей, пятясь, выходят и беззвучно затворяют за собой двери.

– Ваше Величество... – начинает Кэл.

Королева поднимает руку.

– Тут нечего говорить, – отвечает она. У него падает сердце. Он пропал. – Ты убил принца.

– Да, – говорит он. – Но...

– Замолчи! – рывкает она. И, помолчав, продолжает: – Кем бы он ни являлся, прежде всего он был братом моего мужа. В нем текла королевская кровь.

«Он был изменник, – думает Кэл. И снова смотрит в пол. Значит ли это, что он будет казнен или же его всего-навсего заточат в тюрьму? – Что же хуже?»

– Посмотри на меня, – приказывает королева.

Он заставляет себя подчиниться, хотя ему всегда было страшно смотреть в ее огненные глаза. Но сегодня они глядят задумчиво, почти печально. Она продолжает:

– Несмотря на грех, который ты совершил, факт остается фактом... Аласт был изменником, афразианцем.

Она замолкает. Кэл ждет, когда она продолжит.

– Королевские гвардейцы сказали мне также, что ты спас жизнь девушки, которую он хотел убить.

Кэл кивает.

– Да, принц намеревался убить ее. Ума не приложу почему. Мне она показалась обычной крестьянкой.

Руки королевы дрожат.

– Спасши эту девушку и убив изменника-афразианца, ты оказал королевству огромную услугу, – говорит она наконец. – И, скорее всего, спас свою королеву от покушения на ее жизнь.

Его охватывает облегчение. Он отвечает поклоном.

– Для меня честь служить Вашему Величеству, – отвечает он.

Его все-таки не покарают.

– Однако, – продолжает она, – ты не можешь оставаться в Реновии. Весть об убийстве принца распространится быстро, дойдя даже до самых отдаленных деревень, но люди не знают, что он был изменником. И мы должны сделать так, чтобы они этого и не узнали. Мы не можем допустить, чтобы афразианцам стало известно то, что мы уже знаем. И не можем сообщить нашим подданным истинную причину убийства Аласта. Ибо настроения простых людей слишком переменчивы.

– Да, Ваше Величество.

– К сожалению, мои воины застигли тебя на месте убийства принца, и посему я намерена отослать тебя прежде, чем кто-то узнает о том, кому в действительности служил Аласт, или попытается отомстить тебе за его смерть. Твое новое задание уведет тебя далеко от Реновии и даст тебе возмож-

ность сослужить хорошую службу нашей стране. Оно требует соблюдения строжайшей секретности, и нам необходимо принять меры предосторожности. Если тебя поймают, я не смогу прийти тебе на помощь. Ты меня понимаешь?

Он кланяется.

– Да, Ваше Величество.

Он не верит своим ушам. Как же удачно все складывается. Когда он уедет из дворца, надо будет выпить в таверне «Латунный краб» и съесть горячий обед. Почему бы и нет? Он это заслужил.

– Как тебе известно, у моих советников есть основания полагать, что король Монтриса – или кто-то из его близкого окружения – плетет козни против Реновии. И ходят слухи, что это Монтрис помогает афразианцам набирать силу. Что они заключили союз, основанный на их общей враждебности к Реновии. Ты должен будешь проникнуть в ближний круг короля и выяснить, верны ли эти сведения.

– А что, если окажется, что в этом деле действительно замешан их король?

– Ты же Королевский Ассасин, не так ли?

– Да, Ваше Величество.

Кэл кланяется, чувствуя, как бешено бьется его сердце.

У него голова идет кругом. Одно дело – убить предателя, шпиона или преступника – но убить короля? Это же царевубийство. Если он оплошает или его схватят, его, несомненно, отправят на виселицу.

Он собирался съездить в аббатство Баэр, чтобы проверить, верна ли его догадка. Вдруг свитки Деи и впрямь спрятаны там? Это задание замедлит поиски, и, пока он будет в Монтрисе, кто-то другой, возможно, наткнется на эти свитки или же афразианцы перепрячут их. Однако он должен выполнить повеление королевы.

– Почему знать? – говорит она, прочтя его мысли, словно это открытая книга. – Быть может, свитки находятся в Монтрисе.

«Ну нет, – думает он, – я ни на минуту не поверю, что они там». Но он только отвешивает еще один поклон.

– Да, Ваше Величество.

– И еще одна вещь.

Кэл опять поворачивается к ней. И встречается глазами с принцессой. Ее взгляд спокоен и безучастен.

Королева между тем продолжает:

– Чтобы обеспечить себе прикрытие и задобрить знать, возмущенную тем, что ты убил принца, ты начнешь выполнение своего задания с заточения в Дирсию. Тем временем Гильдия продолжит собирать данные о положении дел на севере. Когда все будет готово, я отправлю к тебе человека, который привезет тебе твое оружие и освободит тебя, чтобы ты смог отправиться в Монтрис. Но до тех пор ты будешь оставаться в Дирсии.

Принцесса удивленно поворачивается к королеве, затем быстро отворачивается и опять начинает смотреть вперед.

Дирсия. Тюрьма, из которой еще не сбежал ни один узник.
Он бы предпочел, чтобы его заперли в комнате, полной аристократов-афразианцев. Он открывает рот, но не может подобрать слов. И наконец выдавливая из себя:

– Мне кажется, я вас не понимаю.

Королева бухает посохом об пол.

– Стража! – Двери распахиваются, и двое гвардейцев появляются вновь. Принцесса отворачивается. Королева Лилиана показывает на Кэла. Лицо ее сурово.

– Отвезите этого изменника в Дирсию. Немедленно!

Глава 6

Тень

Никто не проявляет большого интереса к покупке меда или мазей на основе пчелиного воска, да и мне самой не очень-то хочется продавать их, когда я добираюсь до нашей торговой палатки и здороваюсь с тетей Мешей. Мне слишком многое надо обдумать. И вместо того, чтобы стоять за прилавком, я начинаю разглядывать выставленные на продажу цветы, мысленно кипя от злости из-за утреннего разговора с матушкой. Я проскользнула во дворец, чтобы рассказать ей о том, что произошло в аббатстве Баэр, но в итоге все у нас с ней свелось к спору по поводу пришедшего мне королевского повеления явиться ко двору. «Разумеется, ты должна исполнить свой долг. И занять свое место во дворце».

Моя матушка была так же непреклонна, как и мои тетушки, и я знаю: стоит мне водвориться в Виолле Рузе, как меня начнут контролировать день и ночь. Там у меня уже не будет возможности потихоньку улизнуть, ведь во дворце всегда и везде полно гвардейцев и придворных – то есть соглядатаев.

«Как ты можешь этого не хотеть?» – спросила она. Моя мать считает само собой разумеющимся, что я такая же, как другие девушки. Она совсем меня не знает. А если бы и знала, то очевидно, что ее не очень-то волнует, чего я хочу. Я не желаю жить во дворце, каким высоким бы ни было мое по-

ложение. Я хочу и дальше оттачивать свои магические способности, хочу стать такой же грозной и смертоносной, какой она сама была до того, как остепенилась и поселилась во дворце, чтобы держать в узде тамошнее змеиное гнездо. Если я когда-нибудь и отправлюсь во дворец, то только в качестве ассасина на службе королевы. А не как кукла или пешка.

На башне дворца начинает звонить колокол правосудия, и его звон отвлекает меня от дум. Вокруг меня горожане оставляют свои дела, свои торговые палатки, свои лавки, свои дружеские беседы и валом валят на улицы. Хотя я охвачена таким же любопытством, как и они, я закатываю глаза. Каждый из них хочет первым увидеть тюремную повозку и преступника, которого в ней везут. И разговоров об этом хватит им на несколько дней. «О да, я была там. И видела того душегуба своими собственными глазами. Я была поражена». – «Ну, а я совсем не удивилась». Даже добродушный торговец цветами, только что осторожно расставлявший их по расписанным его женой керамическим вазам, бросил все и спешит на Главную улицу. Я покупаю у знакомой старушки горшок для комнатных растений, белый, с узором из виноградных лоз, всем своим видом показывая, что мне нет дела до царящей вокруг суматохи.

Я буду не в первый раз наблюдать за перевозкой арестантов. Толпе все равно, кого везут в тюремной повозке, люди всегда уверены, что арестант виновен. Это пугает: как же быстро приличных людей охватывает жажда крови. Малые

дети швыряют в арестантов объедки и грязь, обыватели плюют в сторону трясущейся повозки, когда она едет по Главной улице.

Толпа предпочитает, чтобы правосудие вершилось быстро, быстрота для нее важнее, чем справедливость. Когда я была младше, их злобные лица и крики наводили на меня страх. Я прижималась к тете Меше и закрывала глаза. Она говорила мне, что люди хотят видеть, как кого-то другого постигает кара, потому что порядок милее их сердцам, чем справедливость. Им надо верить, что люди хорошие всегда хороши, а дурные всегда дурны и что если сами они и грешат, то только на стороне добра. Мало кто понимает, какой широкий спектр между двумя этими крайностями, в который попадает почти каждый из нас.

Мои тетушки часто предостерегали меня против того, чтобы слепо идти туда же, куда идут другие. «Найди свой собственный путь, – говорили они мне, – и не сходи с него. Не позволяй другим совратить тебя с него, даже если тебе придется идти одной». «Делай то, что в данной ситуации кажется тебе наилучшим», – любили повторять они. *Наилучшим*. Мне такой совет по душе, потому что он оставляет место и для того, что не очень-то хорошо. Иногда без этого не обойтись.

Но в этой обозленной орде нет вообще ничего хорошего. Неужели никому из них не приходит в голову, что они могут ошибаться, что перевозимый через их город арестант неви-

новен? Ведь он еще не представал перед открытым судом. Мой взгляд падает на крохотную девочку, на вид ей не более трех-четырех лет. Она наблюдает молча, округлив глаза, засунув большой палец в рот и держась за руку своего отца. Он не смотрит на нее, все его внимание сосредоточено на зрелище, разворачивающемся перед его глазами. Вокруг слышатся пронзительный зловещий смех, шиканье, насмешки. Девочка явно напугана. Но через несколько лет, скорее всего, и она станет швырять в арестантов грязь вместе с остальными.

Как и все в толпе, я знаю, кто этот арестант, но мне трудно в это поверить.

Официальное заявление королевского дворца гласило, что принц Аласт был убит местным кузнецом, Кэледоном Холтом. Где именно это произошло, не сообщалось. Одни говорили, что принц стал жертвой разбойного нападения. Другие утверждали, что все произошло после игры с крупными ставками, проходившей в таверне в каком-то захолустье, и эта игра вроде бы привела к ссоре, а может, на принца напали из засады. Было известно, что кузнеца везут в Дирсию, где он будет ожидать суда, который, несомненно, приговорит его к казни.

Но я знаю правду.

Кэледон не предатель, а герой.

Ему надо воздавать почести, а не везти в тюрьму в цепях. Почему королева это сделала? *Почему?*

Это моя вина. Возможно, если бы я не оказалась в аббат-

стве Баэр, ему бы не пришлось меня спасать и убивать принца.

Повозка подъезжает все ближе. Теперь я жалею о том, что купила этот горшок для цветов. Нести его неудобно, и он не поместится в холщовую сумку, перекинутую через мое плечо, — к тому же она и без того тяжела, поскольку в ней лежат склянки с мазями, которые я должна продавать. Я вижу девушку, стоящую рядом, держащую в руке корзину с караваем хлеба и фруктами.

— Послушай, — говорю я.

Она пугается.

— Я заплатила за них, — говорит она. — Спроси у него.

И она показывает на торговца фруктами.

Я протягиваю ей горшок.

— Нет, нет, дело в том, что я должна доставить его твоей мамушке. Ты не могла бы отнести его ей вместо меня?

— Ах, вот оно что. Да, конечно, — отвечает она. Я отдаю горшок ей, и она кладет его в свою корзину.

— На здоровье, — бросаю я, отходя. И, надвинув капюшон на лицо, скрываюсь в толпе, пытаюсь подойти ближе к дороге. Встав на цыпочки, я могу разглядеть Кэледона в задней части повозки. Он сидит с прямой спиной, и в его позе чувствуется вызов. Я смотрю туда, куда устремлен его пронзительный взгляд — на балкон дворца, где стоит королева. Его лицо совершенно бесстрастно, до нее же отсюда слишком далеко, чтобы можно было рассмотреть лицо, даже если бы оно

не было закрыто вуалью, но видно, что она стоит, сцепив руки перед грудью, одетая в длинное белое платье. Она неподвижна, как изваяние.

Интересно, боится ли Кэледон. Я бы боялась. Дирсия – ужасное место. Чаще всего тех, кого привозят туда, уже никто никогда больше не видит – они не доживают даже до суда. Мало кто хочет работать в этой тюрьме – даже работа там считается наказанием, – и поэтому у королевских чиновников в обычае отправлять на работу в крепость Дирсию тех своих подчиненных, у кого не все в порядке с дисциплиной. И грозить им назначением туда. Родители тоже страшат своих сыновей: «Веди себя хорошо, не то попадешь в Дирсию».

Кэледону там будет угрожать особенно осязаемая опасность. Его обвиняют в том, что он убил особу королевской крови. Те, кто любил принца Аласта, наверняка будут стараться ему отомстить, и очень вероятно, что такие есть и среди тех, кто работает в тюрьме. Кроме того, хотя Кэледона считают простым кузнецом, несомненно, есть люди, особенно в Дирсии, которым известно, кто он на самом деле. У него также, безусловно, немало врагов в преступном мире Реновии, и надо полагать, этим малым тоже захочется его убить.

Тюремщик замечает, что Кэледон смотрит на королеву, и дергает его за цепь, которой он скован. Толпа одобрительно гудит.

– Ах ты наглый ублюдок, – рычит тюремщик. – Смотри на

свои грязные ноги.

Королева Лилиана скрывается за белыми занавесками, служанка закрывает за ней балконную дверь и задергивает портьеры.

Как будто ей неважно смотреть на то, что она натворила.

Во мне вспыхивает гнев. Я не понимаю, как он может это терпеть. Как может не огрызаться на этого тюремщика, на этих горожан. Я бы не смогла вести себя так стоически. Во мне клокочет ярость уже от одного того, что я на это смотрю.

Кэледон спас мне жизнь, не раздумывая о том, как это отразится на нем самом, и за это я вечно буду у него в долгу. А сейчас ему отчаянно нужен хоть какой-то друг.

В моей голове забрезжила смутная мысль. Быть может, если мне удастся ему помочь, если я докажу ему, что я достойна, он согласится учить меня сам. Если он научит меня тому, что умеет, я смогу обойтись без вступления в Гильдию Очага. Мои мать и тетушки будут сердиться, по крайней мере, сперва, но, когда они увидят, как хорошо у меня получается, они станут гордиться мной.

Повозка подъезжает все ближе. Сейчас она окажется прямо напротив меня – и я решаюсь.

Я протискиваюсь вперед, расталкивая зевак. Какая-то женщина пихает меня локтем и ругается, но я просто подбегаю к повозке и хватаюсь за прут решетки. Кэледон смотрит на меня, но быстро отводит взгляд, вероятно, думая, что я хочу плюнуть в него, как это делают остальные.

Мне надо быстро соображать. Жаль, что у меня не было времени написать ему записку. Я сую руку в свою суму, шарю в ней, но не нахожу ничего подходящего. Банка мази не подойдет – ему будет просто некуда ее положить.

На дне моей сумки лежит носовой платок, в который завернуты сухие цветы. Матушка подарила мне его, когда мне исполнилось четырнадцать лет, и он подойдет. Я вытряхиваю цветы на дно сумки и сую платок между прутьями решетки.

– Возьми его.

Кэледон смотрит на него, поворачивается ко мне спиной, берет его в руки, связанные сзади, и засовывает в рукав.

– Ты не одинок, – говорю я и отпускаю прут решетки прежде, чем тюремщик повернется и посмотрит на меня.

Я еще не знаю, что я сделаю и как, но я должна помочь Кэледону.

Я проталкиваюсь назад, закрывая лицо капюшоном, затем прохожу несколько ярдов по дороге, останавливаюсь на крыльце «Латунного краба» и смотрю, как повозка едет мимо. Кэледон пристально смотрит на меня, недоуменно сдвинув брови. Не знаю, понял ли он, что я та девушка, которую он спас.

Его взгляд пригвозждает меня к месту, и весь мир исчезает – остается только дорога, уходящая вдаль, и он. Мы продолжаем смотреть друг на друга долго-долго, пока повозка наконец не скрывается за холмом.

Глава 7

Кэледон

Путь в Дирсию долог и тяжел. Ветхая повозка подпрыгивает на ухабах дорог, изрезанных глубокими колеями, проезжая по холмам, предшествующим приграничным горам. Они не проехали еще даже половину пути, а у Кэла уже ноют плечи от того, что его руки так долго остаются за спиной, а запястья кровоточат от впившихся в них грубых веревок.

Ему хочется драться или бежать. Хотя освободиться от пут и одолеть тюремщика и возницу было бы нетрудно (веревки затянуты туго, но развязать такие ненадежные узлы было бы проще простого), он не станет этого делать. Ведь у него есть секретное задание, и он должен выполнить его.

Тюремщик и возница не разговаривают с ним, да и друг с другом они говорят мало. В их разговорах нет ничего полезного – они просто хвастаются своим успехом у женщин и обсуждают азартные игры. Так что у Кэла есть масса времени для того, чтобы обдумать, что произошло с той незнакомой девушкой в городе. Кто она? Почему она дала ему что-то? Что именно она ему дала? Он достает эту штуку из рукава. Просто клочок ткани? Или же это послание от Гильдии Очага? Ему хочется выругаться, но он молчит. И засовывает ткань обратно в рукав.

Может, она заняла его место? Неужто Гильдия уже выбра-

ла из своих рядов нового Королевского Ассасина? Его охватывает раздражение. Ему не приходило в голову, что кто-то мог так быстро занять его место. Впрочем, нет, его не так-то легко заменить. Куда вероятнее, что она просто передала ему послание. Он опять достает ткань из рукава и сжимает ее в кулаке. Нет, в ткань ничего не вшито.

Может, он видел ее где-то в городе прежде? Он напрягает память. Она показалась ему знакомой, но он не может припомнить, где именно она попалась ему на глаза. Не она ли на прошлой неделе продавала цветы напротив галантерейной лавки? Нет, у той девушки были более светлые волосы, более розовая кожа и ярко-желтая шаль. А эта была одета неброско, как и подобает торговке, в коричневое платье и бежевый полотняный плащ с капюшоном. И на грудь ей свисала толстая каштановая коса с вплетенной в нее сиреневой лентой. На лбу кудряшки, большие карие глаза, смуглая кожа.

Девушка в аббатстве. У нее тоже были темные волосы – хотя он точно не помнит, видел ли он их. Может, он запомнил не ее волосы, а накинутый на голову черный капюшон? В тот день он не рассмотрел ее лица. Она скрылась почти сразу же после того, как он спас ей жизнь. И вот куда это его привело.

Впереди из тумана выступает крепость Дирсия – когда-то она была замком первых государей династии Деллафиоре. Огромная, серая и такая же грозная, как окружающие ее горы, она стоит на самом высоком месте ближайшей округи, и

с трех сторон от нее вниз уходят отвесные скалы. Кажется, что она естественным образом растет из скал, и так оно и было задумано — нижняя часть этого замка была высечена из скальной породы той самой горы, на которой он был возведен, так что он так же несокрушим, как окружающий его горный хребет. Деллафиоре желали, чтобы Дирсия напоминала их подданным о неколебимости их власти, которая должна была казаться им естественной, как сила природы, как творения Деи, и внушающей священный трепет. Только верхние этажи замка были сложены из отдельных камней, добытых в окрестных горах и либо привезенных по узкой дороге, либо поднятых на стены с помощью блоков. На возведение замка ушло много денег, много лет и много труда, не говоря уже о том, что оно стоило многих человеческих жизней. Почти в каждой семье Реновии родители рассказывают детям об их далеких предках, умерших на строительстве Дирсии.

Проникнуть в замок можно только по этой дороге. Как и покинуть его живым. У Кэледона падает сердце. В эту тюрьму заключают самых опасных узников. Как долго он просидит в ней? Когда королева вытащит его?

Кое-где дорога так узка, что повозка едва протискивается вперед. Желудок Кэла бунтует каждый раз, когда она подпрыгивает на очередном ухабе. Он решает закрыть глаза и не открывать их до самого конца.

Они останавливаются перед воротами, где их ожидает убого одетый малый, держащий в руке фонарь. На поясе у

него висит большое железное кольцо со множеством ключей. Откинув задок повозки, стоящий здесь же тюремщик грубо стаскивает Кэла на землю.

– Вставай, – говорит он.

Кэл не говорит того, что ему хочется сказать. Надо держать язык за зубами.

– Я сказал вставай, – повторяет тюремщик.

Кэл пытается встать, но это нелегко: его ноги затекли от многочасового сидения и не слушаются его. Когда он начинает подниматься с земли, тюремщик пинает его сапогом и валит обратно.

– Попробуй еще раз, – говорит он.

«Почему нельзя было посвятить этого тюремщика в наш план?» – думает Кэл. Пребывание здесь наверняка покажется ему вечностью, даже если оно, как он надеется, продлится всего несколько дней.

Убого одетый привратник делает шаг вперед и обращается к тюремщику:

– Ладно, Эдмун, хватит. Времени для этого у тебя навалом. Еще успеется.

Они оба хохочут.

Когда Кэл наконец встает, тюремщик достает из кармана повязку и завязывает ему глаза. Одну его руку хватает тюремщик, другую – привратник, и они тащат его вперед. Он нарочно спотыкается, чтобы заставить их замедлить шаг и получить хоть какое-то представление о том, что его окру-

жает, но они просто волокут его дальше, пока он опять не начинает опираться на ноги.

– Вы же понимаете, что не помогаете? – говорит он.

Они не отвечают, только крепче сжимают его руки. И он решает, что лучше будет держать свои комментарии при себе. Он прислушивается, надеясь уловить звуки, производимые другими заключенными, но слышит только тяжелое дыхание, шарканье ног своих провожатых. Он знает, что в крепости он не один, такого просто не может быть. Но, должно быть, они ведут его по крылу, где будет заключен один он.

Он сосредоточивается на том, чтобы запомнить, сколько шагов они делают перед каждым из поворотов, и на том, куда они поворачивают: направо или налево, чтобы мысленно составить приблизительный план тюрьмы. Они поднимаются на четыре этажа, причем последняя часть лестницы особенно крута. Воздух тут разреженный, и тюремщики останавливаются, чтобы перевести дух. Должно быть, они сейчас находятся в одной из узких башен. Что ж, у него хотя бы будет красивый вид.

Его провожатые резко останавливаются, он слышит звяканье ключей, скрип ржавых дверных петель, скрежет двери по неровному полу. Тюремщик стягивает вниз платок, которым были завязаны глаза Кэла, и тряпица повисает на его шее. Он находится в камере с крошечным зарешеченным оконцем, которое смотрит на Реновианское море и дальше, на Монтрис.

– Лучший номер в гостинице! – говорит привратник. – Есть уборная и все такое! – И свистит.

Это последнее, что Кэл слышит перед тем, как захлопывается тяжелая железная дверь. Слышится лязг задвигаемых засовов.

– Вы кое-что забыли, – говорит Кэл.

Он с легкостью избавляется от пут на своих запястьях – если бы он захотел, то смог бы снять их с самого начала – и убирает платок, который тюремщик и привратник оставили на его шее.

– Не беспокойтесь, я о нем позаботился, – кричит он им вслед.

Ответа нет, слышатся только звон ключей и эхо шагов. Кэл остается один в камере, где нет ничего, кроме соломенной лежанки, грубошерстного одеяла и ведра в углу.

Носовой платок. Он снова достает его из рукава, раскладывает перед собой на полу и вглядывается в ткань, ища послание. Ничего. Он переворачивает его. Ничего. Он поднимает его, подносит к глазам – возможно, буквы послания совсем крохотные, но нет, на ткани ничего нет. Это просто носовой платок, от которого исходит аромат цветочных духов.

Он снова засовывает платок в рукав на тот случай, если он что-то пропустил или платок понадобится ему позже. Затем сворачивает шейный платок в комок, чтобы использовать его вместо подушки, и ложится на усыпанный соломой пол ря-

дом с полосой лунного света, льющегося в оконце. Все равно больше нечего делать. Остается только одно – ждать.

Глава 8

Тень

Время идет, и то, что казалось мне таким правильным, когда я давала Кэледону мой носовой платок, начинает казаться все более и более глупым. Приблизившись к нему, когда он ехал на тюремной повозке, я здорово рисковала, и зачем? Я нахожусь здесь, а он далеко отсюда, в Дирсии. И даже если бы я смогла добраться до тамошних гор, от этого ему все равно не было бы никакой пользы, ведь женщинам строго-настрого запрещено проходить за ворота этой тюрьмы.

Между тем осуществление плана по отправке меня в Виоллу Рузу идет своим чередом. У меня меньше недели. Через шесть дней моей теперешней жизни, той, которую я знаю, придет конец. И все мое обучение пойдет псу под хвост. С той минуты, когда я поселюсь во дворце, от меня будут ожидать только одного – чтобы я выглядела красиво и беспрекословно исполняла приказы. Мне это известно, потому что время от времени я бываю во дворце, сопровождая мою мать. У придворных так мало дел, что там я могла бы умереть от скуки.

Я убираю посуду после ужина, когда слышу громкий и настойчивый стук в дверь. У меня обрывается сердце – неужто кто-то видел, как я дала Кэледону платок, и донес на меня?

Опять стук, еще более настойчивый. Может, стоит сбе-

жать через заднюю дверь?

Тетя Меша кричит тому, кто пришел:

– Иду, иду, – и бежит к двери.

– Подожди! – ору я, но она уже открывает парадную дверь.

Я делаю несколько шагов к задней двери.

– Это госпожа Кингстон, дорогие.

Я смотрю на парадную дверь и вижу, как она делает реверанс.

– Доброе утро, – говорит тетя Мория, также присев в реверансе. – Прошу вас, входите. – И зовет меня: – Тень, пора на примерку.

Госпожа Кингстон ходит к нам уже четыре года, уча меня всему тому, что мне полагается знать о придворной жизни, и занимаясь пошивом нарядов для тех случаев, когда мне нужно являться к моей матери. Меня не удивляет, что она здесь, ведь совсем скоро я отправлюсь во дворец.

Я вытираю руки и нехотя иду к ним в гостиную.

Госпожа Кингстон полная женщина с некрасивым, но добрым лицом и курчавыми седыми волосами, на которые надет белый чепец. Ее одежда проста, но сшита очень качественно. Строчки и вышивка везде выполнены безупречно. Ее юбка немного не доходит до пола, она не слишком длинна и не слишком коротка, а в самый раз и красиво колыхается, когда госпожа Кингстон ходит. Рукава ее платьев заканчиваются кружевными гофрированными манжетами. Если кому-то нужны доказательства ее портновского искусства и жестких

требований к качеству, то для этого достаточно посмотреть на ее собственные наряды.

– Здравствуй, Тень! Как ты поживаешь, моя душечка? Ну что, начнем, да? – говорит она и хлопает в ладоши. – Нам с тобой нельзя терять ни минуты! – Она ставит свою большую корзину на пол и начинает вынимать из нее различные инструменты, включая деревянную подставку.

– Госпожа Кингстон сошьет для тебя новые платья, – объясняет тетя Мория. – Для дворца.

– Разумеется, – отвечаю я.

– Встань, пожалуйста, на эту подставку, – приказывает модистка. Я поднимаюсь на подставку, чувствуя себя глупо, как бывает всегда, когда мне приходится выносить примерку платьев.

Но время проходит быстро. Госпожа Кингстон работает проворно и умело. Она толкает и дергает меня так, словно я кукла, снимая мерки с каждой части моего тела, включая мои пальцы, чтобы сшить для меня новые платья и идеально подогнанные перчатки, которые должны доходить мне до локтей.

Предметы гардероба, которые она надевает на меня, без конца закалывая их на мне булавками, давят на меня, они как цепи, предназначенные для того, чтобы не дать мне сбежать. А еще она надевает на меня корсет.

– Корсеты, которые я заказала для тебя, куда лучше, они сделаны из атласа и китового уса, – говорит она.

– Надеюсь, они не такие, как этот. Он зашнурован слишком туго, – отвечаю я ей, пытаюсь освободиться от него, чтобы можно было дышать. Она смотрит на меня так, будто я сморозила глупость, не отвечая и не расшнуровывая его.

Она также принесла образцы тканей. Они приколоты булавками к страницам пергамента в тяжелой массивной амбарной книге: красные, глянцевые, как спелое яблоко, лиловые, темно-синие, голубые, бледно-розовые.

– Какие цвета ты предпочитаешь, дорогая? – спрашивает меня госпожа Кингстон. По ее приветливому тону я вижу – она считает, что я должна быть вне себя от радости при виде шелков и кружев, но у меня нет ни восторгов, ни предпочтений. Я с натянутой улыбкой тыкаю пальцем то в один образец ткани, то в другой. Она похлопывает меня по бедру. – Что, дорогая, ты нервничаешь, да? Не тревожься, ты будешь выглядеть превосходно, – говорит она, обращаясь больше к моим тетушкам, чем ко мне.

Они делают вид, будто разделяют ее восторги по поводу красивых тканей, но я-то вижу, что это всего лишь спектакль.

– О Тень, – кудахчут они, – посмотри вот на это. Какая прелесть! – Они никогда не разговаривают так. Практически они лгут мне в лицо. Лучше бы они прямо сказали: «Тень, мы знаем, что это не то, чего хотела ты, но ничего не можем с этим поделать. Тут решаем не мы. Так что просто выбери ткани, чтобы положить этой возне конец».

Когда модистка наконец укладывает все обратно в свою корзину и уходит, чтобы начать шить мне новые нежеланные наряды, я помогаю тетушкам прибраться после ужина. Тетя Мория пытается начать разговор:

– Мне особенно нравится тот темно-синий шелк платья для чаепития. Его цвет напоминает мне зимние ночи при полной луне...

– Я не хочу об этом говорить, – перебиваю ее я. Краем глаза я вижу, как она многозначительно переглядывается с тетей Мешей, которая открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрывает его, когда тетя Мория чуть заметно качает головой.

– Я выйду, – буркаю я.

Они не отвечают.

Я иду по дорожке, посыпанной галькой, и чувствую, что кору одного из наших деревьев грызет заяц. Он еще не видит меня. Они вечно пытаются пробраться в наш огород, и обычно я замедляю шаг, чтобы не пугать их, но сейчас мне все равно. Заяц замирает, затем вприпрыжку несется прочь.

Я так крепко сжимаю кулаки, что мои ногти врезаются в ладони. Мне будет всего этого не хватать. Садов, ульев, даже продажи меда на рынке и споров с моими тетушками.

Но не я решаю свою судьбу. Я чувствую смирение и поворачиваю обратно. Все здесь – наш уютный домик с неоднородного цвета крышей, облупившийся забор, зажженные фонари на кухне, все, что его окружает – кажется мне объ-

ятым печалью. Я вспоминаю, как подслушала слова матушки, которые она как-то сказала тетушкам, когда я была маленькой: «А она та еще штучка, не так ли». Я хорошо помню, как она это произнесла – как утверждение, а не как вопрос. О чем тогда шла речь, я не припомню, кажется, о том, что я отказывалась что-то съесть. Это было что-то простое, обыкновенное, что часто делают дети, однако моя матушка заметила: «Она та еще штучка, не так ли».

От этого воспоминания меня охватывают раздражение и жалость к себе. Подойдя к дому, я слышу доносящийся из кухни голос тети Мории:

– Если парнишке это не под силу, то что же делать?

– Не знаю, правда не знаю, – отвечает тетя Меша. – Как это ни печально, ничего другого я сказать не могу.

Затем слышится что-то неразборчивое.

– ...Не то, чего хотел Кордин, совсем не то, – говорит тетя Мория. Они толкуют об отце Кэледона, прежнем Королевском Ассасине. Я слышу, как они открывают и закрывают дверцы буфетов, убирая посуду.

– За всем этим наверняка стоит Монтрис, – отзывается тетя Меша. – Но о ком именно речь?

Опять что-то неразборчивое. Но на сей раз они определенно обошлись без заградительного заклятия. То ли решили не тратить на него время, то ли забыли. С тех пор как мне повелели прибыть ко двору, мои тетушки стали очень рассеянными. Я напрягаю слух.

– ...Поймали еще одного монтрисианского шпиона... на этой неделе его отправят в Дирсию...

Мое сердце забилося чаще.

Стало быть, в Дирсию отправляют еще одного арестанта. А раз так, то скоро через город опять поедет тюремная повозка.

– Все это слишком опасно, – слышится голос тети Меши. – И что же, мы должны все равно отправить ее туда, будто ничего не происходит? Это может быть что угодно. Кто знает, какое зло афразианцы могут выпустить в мир. Речь может идти о перевертышах, меняющих обличья, и даже о демонах.

Я не вижу их, но могу легко себе представить, как тетя Меша сопровождает свои слова жестами, выражающими досаду, а затем приглаживает свои светлые волосы. Наверняка сейчас, в это мгновение, она закрыла глаза и качает головой.

– Меша, ты опять за свое? Этот король мертв, он умер несколько веков назад! – говорит тетя Мория. – Это всего лишь сказки, которыми пугают детей.

– Пусть каждая из нас останется при своем мнении, – отвечает Меша. – Разумеется, пока ты не убедишься, что я права.

– Надеюсь, что этого никогда не случится, – говорит тетя Мория, заканчивая разговор. – Тень может вернуться сюда в любую минуту.

После этого до меня доносятся только лязг и стук убираемых котелков и плеск воды, качаемой из насоса и льющейся

в мойку. Я еще никогда не слышала от моих тетушек подобных речей – и всегда полагала, что те твари, о которых они толковали, существуют только в бабушкиных сказках. Я жду, надеясь, что они скажут что-то еще либо об этих существах, либо об арестанте, которого повезут через наш город на этой неделе, и мои мысли несутся вскачь. Стало быть, тюремная повозка опять поедет в Дирсию... туда, где заточен Кэледон. В моей голове появляется план...

Я остаюсь снаружи достаточно долго, чтобы они не заподозрили, что я подслушала их разговор, затем, громко топая, всхожу на крыльцо и отворяю заднюю дверь.

– Ну что, тебе стало лучше? – спрашивает тетя Меша.

В ответ я только пожимаю плечами, поскольку не хочу, чтобы они приняли оживление, порожденное моим планом, за согласие отправиться во дворец.

– Возможно, сейчас нам всем лучше лечь спать, – говорит тетя Мория. И ставит передо мной чашку ромашкового чая со сливками. – Как насчет того, чтобы сделать это прямо сейчас, чтобы завтра все начать заново?

Я киваю и отпиваю чай.

* * *

Я долго ворочаюсь, думая о подслушанном мною разговоре. Но, в конце концов, видимо, все-таки засыпаю, потому что предо мною вдруг предстает моя мать. Она стоит у моей

кровати на фоне открытого окна, и ее окружает ореол лунного света. Она облачена в черные одежды Гильдии Очага, и ее лицо затенено капюшоном плаща. Я чувствую на себе ее пронзительный взгляд, и он обжигает мою душу. Когда она наконец говорит, ее слова согревают меня:

– Следуй своим путем, Тень, и исполни свое предназначение.

Затем наступает утро. Я открываю глаза и вижу солнечный свет, льющийся в окно. И решаю, что на сей раз я поступлю так, как повелела мне моя мать.

Глава 9

Кэледон

Ночь сменяется днем, затем опять приходит ночь. Заточение длится уже почти неделю. Кэледону она кажется бесконечной. Утро он проводит, делая отжимания и ходя вдоль стен круглой камеры, которая когда-то, надо полагать, была опочивальней в восточной башне замка. Теперь он уже совсем не уверен, что его пребывание в этой тюрьме будет недолгим.

Тут нет ни книг, ни писем. Он понятия не имеет о том, что происходит за стенами тюрьмы, и не знает, когда его освободят. Это выводит его из себя.

Он снова и снова разглядывает носовой платок, подставляя его лучам солнца, которые проникают в камеру по утрам – а вдруг на нем все-таки есть послание, написанное молоком или лимонным соком? Но ничего не проявляется.

Может, дело в тех словах, которые она сказала ему: «*Ты не одинок*»? Впрочем, возможно, он придает всему этому слишком большое значение, и эта девушка просто пожалела его. Но в ней определенно было что-то знакомое... Когда – *если* – он исполнит задание королевы в Монтрисе, надо будет отыскать ее.

Он старается не давать своему уму ржаветь и для этого мысленно перебирает всех придворных. Принц не мог дей-

ствовать в одиночку, наверняка при дворе есть и другие изменники, но какой от него, Кэла, толк, пока он находится за решеткой? И рядом даже нет других заключенных, от которых можно было бы что-то узнать. Возможно, это сделано ради его безопасности, хотя, может статься, королева Лилиана велела держать его в одиночном заключении, чтобы защитить от него других. Он не хочет этому верить, но в тюрьме в голову приходят всякие мысли.

Кэл выцарапывает черточку на стене своей камеры, отмечая каждую ночь, проведенную им на тонкой грязной подстилке из соломы. *Хорошо, что, отправляясь в Виоллу Рузу, я не надел свое лучшее платье.*

По ночам он видит отца во сне. Чаще всего ему снится, что они вместе сидят перед очагом в их доме, иногда Кордин разговаривает с ним, но, проснувшись, он не может вспомнить, что именно тот говорил. А иногда они идут по людной улице, и Кэл, снова ставший ребенком, боится, как бы толпа не оторвала его от отца и он бы не потерялся.

Он просыпается и вздыхает. Интересно, какой бы была его жизнь, если бы он не был связан с королевой Лилианой? Тогда он определенно не оказался бы в Дирсии. Но обет на крови есть обет на крови – от него не убежишь. Он почувствовал это на собственной шкуре.

Это случилось, когда его отец погиб – тогда ему было всего тринадцать лет. Он был обозлен и уже достаточно взрослый, чтобы желать свободы. К тому времени он, разумеется,

знал об обете, но полагал, что сможет избавиться от него – если будет долго скрываться, поскольку тогда сила обета иссякнет сама собой. Так ему казалось.

Он собрал в дорогу необходимые вещи – вернее, то, что тогда казалось ему необходимым, хотя теперь воспоминание о том, как он собирался в путь, вызывало у него смех. Еду он взял с собой скоропортящуюся, надел на ноги неподходящую обувь, но ему все равно удалось уйти далеко, дальше, чем когда-либо прежде. А затем у него начала болеть голова.

Поначалу он отмахивался от этих болей, списывая их на голод и долгие пешие переходы, но боли становились тем сильнее, чем дальше он отходил. Он украл у мясника свежее мясо, приготовил его на костре в лесу, попил воды из чистого ручья, пролежал на траве целый день, чтобы дать отдых ногам, но его голова все равно продолжала раскалываться от боли. Затем ему начали сниться кошмары. Поначалу они были смутными и сразу забывались, стоило лишь ему пробудиться, но затем стали хуже – какая-то непонятная тварь гналась за ним по пятам, готовая схватить его, и он никак не мог от нее убежать. Он просыпался в холодном поту, и после таких кошмаров нередко оказывалось, что во сне он отошел далеко от своего бивака и не может понять, где находится. Когда он не внял этому предостережению, гонящаяся за ним в его кошмарных снах бесформенная тварь превратилась в настоящее чудовище, а затем ему приснилась разгневанная королева Лилиана собственной персоной. Проснувшись, он

обнаружил, что стоит на краю пропасти – готовый рухнуть в чернильно-черную бездну.

В то утро он повернул назад. И стоило ему начать приближаться к границам Реновии, как головные боли и кошмары прекратились. Он усвоил тот урок и больше никогда не пытался отказаться от обета.

Здесьнее безмолвие нарушается всего три раза в день, когда через окошко внизу двери на пол камеры ставятся еда и питье и грубый голос рявкает: «Завтрак», или «Обед», или «Ужин».

Еда в Дирсии отвратительна – в основном это баланда или, если повезет, гороховая каша с сухарем из дешевой муки грубого помола и чуточки соли – и нередко в этом месиве попадаются червяки – но он все равно съедает большую часть того, что ему приносят, чтобы не терять силы. Ему приходилось есть еще худшую дрянь, лишь бы выжить. Главное, не смотреть на эти помои и не думать о них, считая их чем-то вроде лекарства, гадкого, но необходимого.

Он выцарапывает примитивный план тюрьмы – не на стене, а на полу, чтобы можно было прикрыть его соломой. Он не уверен, что использует этот план, но работа над ним дает ему хоть какую-то пищу для ума. И помогает ему чувствовать, что от него хоть что-то зависит.

Он старается не думать о том невероятно трудном задании, которое он должен выполнить.

А что, если окажется, что в этом деле действительно

замешан их король?

Ты же Королевский Ассасин, не так ли?

Цареубийство. От одной этой мысли у него стынет кровь, хотя и его реальное положение может свести его с ума. Как долго ему придется ждать? Королева сказала, что пошлет за ним, но если она этого не сделает, он возьмет дело в собственные руки.

Он часами стоит у зарешеченного оконца, разглядывая горы и наблюдая за проходящими внизу людьми, отмечая каждого, кого видит чаще чем раз. Он выцарапывает на стене что-то вроде расписания, на котором отображает их приход и уход. Буква «Б» обозначает местного бакалейщика, который в начале недели привозит на тюремную кухню бочонок пива, мешок муки и съестные припасы. Т 1, Т 2 и так далее обозначают тюремщиков, работающих в разные смены. А вдалеке Кэл видит горожан, идущих на рынок или в храм или возвращающихся домой.

Всякий раз, когда ему приносят сухарь, он отламывает от него половинку и прячет ее. Он хранит эти половинки в мешочке, сделанном им из шейного платка, которым были завязаны его глаза. Они пригодятся ему, если придется бежать. Немного воды – и они станут вполне съедобными, а большего ему и не надо. Ведь главное – это просто-напросто не голодать.

Каждый день он отрывает от одеяла маленький кусочек грубой шерсти и сворачивает его в трубочку, которую об-

вязывает еще одной полоской той же ткани. Такие штуки нетрудно будет поджечь, что в будущем может ему пригодиться.

По ночам Кэл заворачивается в остатки одеяла, как в шаль, и сворачивается клубком в уголке, прижав колени к груди, чтобы было теплее. Чем меньше становится одеяло, тем холоднее кажется ночь, стало быть, когда от одеяла ничего не останется, придет пора бежать.

Чтобы быстрее заснуть, он вспоминает сказки из своего детства, которые рассказывал ему отец. Больше всего ему нравилась и нравится сказка про Омину из Ойлана, прародителя всей магии, которого благословила сама Мать Дея. Согласно этому преданию Омин был самым могущественным волшебником из всех, которые когда-либо жили на земле, непревзойденным мастером всех материальных и нематериальных искусств, и служил он королеве Альфонии в те времена, когда Реновия была всего лишь провинцией Авантина.

Никто не знал, кем были родители Омину, и были ли они вообще людьми. В те времена люди еще толковали о существовании эльфов: это было до того, как эльфы либо начали скрываться, либо вымерли. Во младенчестве Омину нашли в лесу, так что иные утверждали, что этот великий волшебник – порождение самой земли, что в нем было слишком много божественного, чтобы он был просто человеком, и слишком много человеческого, чтобы он был бесплотным духом.

– Разумеется, – говорил Кэлу отец, – это всего лишь сказ-

ка, а в сказках всегда бывает понемногу и правды и лжи, но никогда не знаешь, где одно и где другое.

Что до маленького Кэла, то он предпочитал сводить разные версии происхождения Омина и верить в то, что тот был отчасти человек, отчасти эльф.

Мысленно он слышит низкий мелодичный голос своего отца, раз за разом пересказывающий ему одни и те же части этой сказки. Омин был безвестным сиротой, его считали никем, а стал великим государем, который управлял могучим королевством, имел любящую семью и верных вассалов и рыцарей и которого крепко любил народ. Кэл закрывает глаза и представляет себе, что он опять шестилетний мальчик, жизнь которого проста и бесхитростна, который не знает, что уготовила ему судьба, и который еще не остался один на всем белом свете. В те дни отец укрывал его полинявшим лоскутным одеялом, которое смастерила его покойная мать, и Кэл слушал истории, рисуя в своем воображении каждого их героя, а потом засыпал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.